

Антон ЛУКИН

с. Дивеево,

Нижегородская область

Антошка

повесть

Антошка сидел на поленнице и вытирал со лба пот. С самого утра, пока не было пекла, они с отцом накололи дров. Затем тот уехал в поле, оставив дальнейшую работу на него. Паренек побежал в избу, выпил кружку холодного молока и, выйдя во двор, забрался на крышу сарая. Это было его одно из самых любимых мест. Оттуда хорошо было вести охоту. Вся улица как на ладони. То собаку какую подстрелишь, то коту под хвост сиганешь — красота! Но сейчас не было видно ни единой жертвы. Расчухали, наверное, Антошкино место, теперь за семь верст обходят. Посмотрел паренек еще раз по сторонам — нет никого. Ну, нет так нет. И улегся на спину. Рыжее солнце улыбалось ему с неба, и легкий ветерок нет-нет да поглаживал его лохматые волосы.

Заснул Антоха легким сном. И снится ему, будто идет он по лесу с ружьем, а рядом у ног Тузик кружится, хвостом виляет, радуется, что Антошка его с собою взял. Ну а как же его не возьмешь — что за охота да без собаки?! Он хоть и дворняга, а все же не трусливый и в нужную минуту пригодится. Зайца раненого поймать или за уткой сплавать. Кошек вон как гоняет!..

Так вот, идут они, значит, с ним по лесу, а кругом ни души. Хоть бы белка какая с дерева на дерево прыгнула или птица пролетела. Никого. Но паренек не отчаивается. Он знает, какая у охотников работа. Степан Иванович, что живет напротив, хоть и опытный охотник, а иной раз тоже с пустыми руками приходит. Тихо вокруг. Только сухие ветви под ногами хрустят да вдалеке где-то дятел постукивает. И вдруг видит, как возле сосен, в диком малиннике, кусты затряслись. Направил паренек дуло, подошел немного ближе и видит: медведь там. Да огромный какой. Сидит, значит, на заднице, лапой малину сорвет и в рот кидает, как старухи на скамейке вечерами семечки лузгают. Увидел Антоха, рассердился, встал на задние лапы... и на него. Огромный, метра под три, лапами машет, ругается. Да только и Антошка не лыком шит. Направил ружье — бац! Упал мишка на четвереньки, а Антоша снова — бац и завалил медведя. Лежит, значит, тот, раскинув лапы, а рядом Тузик прыгает, лает на него. Да чего лаять-то, будто не знает, что он убит и ничего уже не сделает. Забрался Антоха на его спину и развалился на густом медвежьем мехе.

Представляет, как в деревне его все расхваливать будут, мужики руку жать, а мелюзга с завистью поглядывать на него. Вот повесит он медвежью шкуру над своей кроватью и... И проснулся Антошка. Чирикание разбудило. Посмотрел вниз, а у дороги воробьи в пыли бултыхаются. Чик-чирик, чик-чирик!

— Ну я вам! — рассердился Антошка. — Такой сон испортили.

Достал из кармана рогатку, зарядил камушком и... бац. Промахнулся. Снова — бац. И снова промахнулся. Да только воробьи неглупые, смекнули, что к чему, и порхнули в небо.

— Повезло вам, что я спросонья, а то... — и юный охотник потер глаза.

— Антошка, а ну поди сюда! — слышалось снизу.

Паренек огляделся и увидел дядю Васю. Тот стоял у самого забора.

— Зачем?

— Поди, чего спрошу.

— А чего спросите?

— А ты спустишь, узнаешь.

Антошка тоже неглупый, знает он, про что его спросят. Они вчера с Витькой кота соседского гоняли, а тетка Матрена видела, а значит, об этом непременно знает и дядя Вася. Он старик-то хороший, но чуть что, уши надрать может. Антоха это знает. Сосед ему уже не раз их драл. Вот совсем недавно за петуха, которого он из рогатки подстрелил. Тот хромал, хромал, и пришлось пустить его на суп.

— Потом скажете, — а сам попятился к другому концу крыши.

— Я вот тебя, постреленок, поймаю, уши обрываю!

Но Антошка уже бежал огородом и, махнув через забор, скрылся за домами. Подумаешь, кот, это же не птица. За петуха еще можно пострадать, а коту полезно побегать. Чего так орать? Будто и сам в четырнадцать лет не гонял кошек! Ох уж эти взрослые!

Антоха почесал свои уши, которые так ловко спас, и направился к реке. По пути он забежал к своему лучшему другу Витьке. Тот возился с велосипедом.

— Чего, колесо прохудил?

— Ага, будь оно неладное! — недовольно ответил Витька. — А ты чего, гуляешь?

— Да вот купаться иду. Пойдешь?

— Подожди минутку...

— Дядя Вася знает, что мы его кота гоняли. Сегодня был у меня, — доверительно сообщил другу Антоха.

— Ну и?.. — пыливо уставился на него Витька.

— Убег! — не без гордости сказал приятель.

Витька улыбнулся:

— Ох уж эта Матрена, всем про все расскажет!

Антошка запрыгнул на раму велосипеда, и мальчишки помчались к реке. Там уже было много народу. Все деревенские ребяташки бултыхались в воде и играли в догонялки.

— Витюха, Антоха, айда с нами! — слышался писклявый голосок Сергея.

— Дайте раздеться хоть!

— Тогда вам и водить. Считайтесь! — обрадовался Серега, который, по-видимому, водил, и нырнул под воду.

Водить пришлось Виктору, а это значит, что он быстро сейчас отвалится. Плавал Витька даже чересчур хорошо. Быстро. К тому же дольше всех из ребят мог продержаться под водой без воздуха. Антоха с берега нырнул в воду, немного проплыл, а когда вынырнул — водил уже Вадик. Антошка снова ушел под воду, и рыжий Вадик погнался за ним. Антон умел убегать, и какая же неописуемая радость одолевала его, когда он оставлял противника с носом. Вот и сейчас Антон опустился на самое дно и, отталкиваясь ногами от песка, принялся петлять. Когда же вынырнул у берега, Вадик уже гонялся на мелководье за Сергеем, который громко визжал. Антоха поплыл в центр событий. Если же играть, то играть рискованно, а не так, как любил Сергей — уплывет далеко-далеко и ждет, когда за ним поплывут. Эдак неинтересно. А вот обвести, ускользнуть перед самым носом — это да! Потом долго вспоминается. Да и водить он никогда не боялся. Все хотел так же быстро научиться догонять, как Витюха. Только вот пока не получалось.

— Ой, а воду намутили, безобразники! — слышалось с берега.

Это пришла Ольга с какой-то незнакомой для всех подругой. Девчонки скинули сарафаны и топтались на бережку.

— Тебе-то чего! — крикнул Витька. — Играла бы в догонялки, тоже бы так намутила!

— Ну вот еще, нужно мне с вами играть, — поджала губы Оля.

— Да тебя, девчонку, никто бы и не взял, — ответил ей тот, и все ребята в воде засмеялись.

— Это почему же не взяли бы? — любопытствовала незнакомка.

— Что за интерес с девчонкою играть?! — крикнули в ответ из воды.

— А меня возьмете?

— А ты чем лучше? — загоготали пацаны.

— Девчонок не берем! — подал голос Антоха.

— Как тебя хоть звать-то? — спросил Виктор, с любопытством разглядывая девчонку.

— Катерина. Ну так что, возьмете? — не отставала незнакомка.

— Ну, сама попросилась. Новенькая водит. Но учти, поддаваться никто не будет, — снисходительно предупредил Витька.

— А мне не нужно поддаваться, — невозмутимо ответила Катя и вошла в воду.

Все ребята заговорщицки переглянулись и с интересом наблюдали за ней. Даже Серега, и тот осмелел и сиял улыбкой. Девчонка, раскинув руки, погналась за Виктором. Тот скрылся под водою, и она, нырнув за ним, тут же поймала его за ногу.

— Водит он, — деловито сказала всем Катя и показала на Витьку пальцем, потому как не знала, как его зовут.

— Это правда? — удивились пацаны, вопросительно уставившись на него.

— Да он поддался тебе! — крикнул Антоха, подначивая. — Давай, Витюх, догони ее!

И тот погнался за Катей. Но как он ни нырял за ней под воду, как ни пытался поймать, она, словно русалка, от него ускользала — быстрее плавала и лучше. А ему нет бы Серегу поймать, а он все за ней и за ней. И правильно делал. Сережку любой догнать может, и нельзя допустить, чтобы какая-то девчонка утерла нос. Но она утерла. Виктор так и не поймал ее.

— Ну как, интересно с девчонками играть?! — лукаво улыбнулась Катя, отжимая мокрые волосы.

Она уже стояла на берегу рядом с подружкой.

— Да я тебя сейчас грязью за это! — и Антошка от бессилия достал со дна горсть песка и запустил в девчонок.

— Дурак! — завизжала как резаный поросенок

Ольга. Катерина же только молча ладошкой смахнула с ноги влажный песок.

Ребята тоже вылезли на берег.

— И где ты так только плавать научилась? — с ноткой восхищения в голосе любопытствовал Виктор.

— А я с семи лет в бассейн хожу, на плавание. Даже медали завоевывала на городских олимпиадах, — ответила Катерина, нисколько не загордившись.

— Да так вовсе не честно! — запротестовал Антон. — Витюх, не расстраивайся.

— И что ты все ворчишь и ворчишь? — обратилась к нему Катя, светло улыбаясь.

— Да это же Антошка Малышев, хулиган и забияка, — нахмурила брови Ольга. — Он всегда такой.

— А ну молчи! — звонко рявкнул парень.

— Сейчас, напугал. Дядя Вася тебе еще уши не надрал? Дождешься, в крапиву посадит, — ехидничала Оля, уткнув руки в боки.

— Ты уж откуда знаешь?

— Знаю, — задрала Ольга нос. — Все знают.

Подбирая раскиданные на песке вещи, Антоха принялся одеваться.

— Ты куда? — спросил его Сергей.

Натягивая штаны, тот ответил, что нужно еще полить огород. Он еще раз взглянул на друга, который, забыв обо всем на свете, рассматривал новую знакомую. Поднявшись в гору, Антоха вновь оглянулся и остановился. Витька раз за разом прыгал с берега рыбкай, красовался перед девчонками. В конце концов Антошка махнул на него рукой и пошагал дальше.

Вечером Витька сам пришел к Антону. Тот сидел в предбаннике и издевался над гитарой. Непонятные звуки вылетали из-под струн, и их тут же заглушал Антошкин голос.

— Салют, Высоцкий! Ну, как успехи?

— Лучше, — сухо ответил Антошка, мучая струну.

— Я и слышу.

Виктор сел на краешек скамейки и подмигнул:

— У Анисимовой огурцы поспели.

— Огурцы, говоришь, — Антоха задумчиво почесал затылок.

— Ага. Целые грядки.

Паренек молча повесил гитару обратно на

стену, и приятели, понимая друг друга без слов, пошли со двора. На улице уже смеркалось. Отчаянные «охотники» шли медленно, будто прогуливались, надеясь не привлекать к себе внимания, без конца оглядывались по сторонам, не следит ли кто за ними. Но «хвоста» не было, и довольные пацаны, подойдя к назначенному месту, перепрыгнули через забор. Оба спрятались за кустами крыжовника. В избе горел свет, и темный силуэт хозяйки виднелся в окне за занавеской.

«Пошли», — шепотом скомандовал Витька, и они скользнули к грядкам. Антоха срывал крупные сочные огурцы и кидал за пазуху рубахи. Вдруг в избе погас свет. Добыткики сиганули обратно за куст крыжовника, чтобы в случае чего быстренько перемахнуть через забор, но со стороны улицы по тропинке, что тянулась вдоль него, шел председатель колхоза Степан Иванович Иволгин. Попадаться ему было ни в коем случае нельзя, а то родителям влетит. И уже тогда все... Только держись...

Тут со скрипом отворилась дверь, и в огород вышла Надежда Петровна. Воришки сильнее прижались к забору, поглядывая на хозяйку из-под кустов.

— Добрый вечер, Степан Иванович! — первой начала она.

— Добрый вечер, Надежда Петровна! — поздоровался председатель. — Не поздновато в огороде-то швыряться?

— Да вот лейку ищу, убрать нужно, а то ведь упрут.

— Да кому воровать-то?..

— Знаете, береженого бог бережет, — окидывая взглядом двор, Надежда Петровна решала, куда первым делом пойти искать.

— И то верно, — согласился тот.

— Тсс! — толкнул Антоха Витьку локтем в бок. — Смотри!

Шагах в трех от них лежала та самая лейка.

— Всё, — вздохнул печально приятель, — попались.

Каждый из ребят уже представил, как получает от родителей взбучку.

Председатель попросился и пошагал дальше, а противная Надежда Петровна принялась расхаживать по огороду. И далась ей эта лейка! Сказали же, что не упрут. И не кто-нибудь, а

сам Степан Иванович, а значит, точно никто не возьмет. Но настырная бабка все гуляла по огороду.

Наконец старуха заметила свою пропажу и направилась к ней. Кусты крыжовника затряслись. Надежда Петровна, забыв про лейку, направилась туда. Тут Антоха как захрюкает! Как заржет сивым меринном! Старуха побледнела: очки с волосами приподнялись, и с криком «Убивают!» кинулась к избе.

Хулиганы, недолго думая, швырк через забор, только их и видели.

На крик сбежалась вся деревня. Шум, гам поднялся. Все интересуются, что случилось, всем интересно. Женщины в испуге, мужики хохочут, а Анисимова визжит, словно тот поросенок.

Антоха же с Витькой уже были далеко.

— Тихо, тихо, я сказал! — прикрикнул Степан Иванович, предварительно топнув ногой. Потихоньку все замолчали. — Что случилось, Надежда Петровна?

— Черта видела, — затрепетала старуха. — Что ни на есть самого настоящего!

— Да ну тебя, говори серьезней, не мути воду! — возмутилась Матрена.

— А что, верно говорит, — заулыбался Гришка, которого трезвым никто никогда не видел. — Я вот литру-то выпью, и тоже черти мерещутся, что ни на есть самые настоящие.

— Ну вот что, хватит базар пустой разводить, — рассердился председатель. — Продолжай, Надежда Петровна.

— Только я лейку свою нашла, и тут на тебе, крыжовник, что у самого забора растет, как затрясется весь. Я — к нему. Осмотрела — нет никого. Я давай руками-то рыскать, может, кошка какая меж забором сидит. И случайно хвать того за бороду. А он как завизжит, как захрюкает, копытами застучал, огромный такой, волосатый...

— Перетрудилась ты, Надежда Петровна, ляг иди, отдохни, — покачал головой Степан Иванович.

— Да как же так?

— А вот так. Ступай, говорю, отдохни. Нечего народ баламутить попусту, — прибавил в голосе тот.

— Ага. Поняла.

Анисимова забежала в избу, и народ тут же

разошелся кто куда. А радостные хулиганы катались по траве и, схватившись за животы, хотали вовсю.

— Слыхал, как врет? Черта за бороду... — смеялся Антоха.

— Ага, огромный такой, волосатый, — визжал от восторга Витька. — А еще про нас говорят... Сами-то, взрослые, не хуже нас придумывают.

— Ой, не хуже, — утирая слезы, подтвердил Антошка.

— А ты молодец, додумался. Во голова! Завизжал. Еще бы загавкал.

— Так ведь помогло же, вон как деру дала.

— Не спорю.

Мальчишки развалились на траве и, похрумкивая огурцами, принялись наблюдать за Лунной. Каждый наблюдал по-своему. Антохе всегда казалось, что на ней, на Луне, живут маленькие человечки, такие же, как и он. И оттуда, сверху, наблюдают за ним. Вот они-то про все их с Витькой проделки знают, даже про самые плохие. Хороших-то они мало совершали. Хотя, может, и много, только вот не упомнишь их. А напраказничаешь где, то подолгу из головы не выходит и вспоминается. Ведь за это можно всегда схлопотать по шее.

Любил Антоха так вот валяться в траве и любоваться Лунной. Кругом темно, звезды веселыми огоньками разбросаны по небу, пахнет сеном, свежестью, летом... Теплый ветерок пронесется, случайно, невзначай потреплет лохматые волосы и скроется за деревьями, шурша тихо листвою. Вот повзрослеет Антоха, станет космонавтом и обязательно покорит космос. Витьке же всегда казалось, что Луна — это чей-то портрет. Как будто смотрит кто-то немного в сторону, раскрыв рот.

— А знаешь, Антох, Катюшка из Горького приехала погостить на лето, — нарушил ночную тишину Витька.

— Это которая сегодня на речке была?

— Ага. К Никонову приехала.

— К Ивану Сергеевичу? — удивленно переспросил Антоша.

— Внучка его. А что? И правильно сделала, все старику не скучно будет, он ведь как Тамирку схоронил, совсем поник. Редкий случай, когда из дому выйдет. Сам-то он хороший, помнишь, как удочки нам делал?

— Помню, — кивнул Антоха и вдруг сменил тему: — А вот ты как думаешь, Витюх, есть ли на Луне жизнь?

— Она, оказывается, еще той осенью приезжала, — невпопад ответил тот.

— Кто?

— Катя. Правда, на одну ночь. На машине тогда, с родителями, — знай продолжал своё Витька.

— Подумаешь, — махнул приятель рукой. — Вот ты хотел бы, Витек, на Луну слетать?

— Она, оказывается, в городе плаванием занимается...

— Чего? — Антоха даже начал злиться.

— Я говорю, в бассейн ходит, плаванием занимается вот уже как семь лет. Сама сегодня говорила. Неудивительно, что так хорошо плавает, да еще для девчонки, — терпеливо втолковывал Витька Антону.

— Ты про кого?

— Про Катю, про кого же еще! — тут раздражение послышалось уже в голосе Витьки.

— Да чего ты пристал со своей Катей, нужно больно.

— И вообще она не моя, скажешь тоже. А тебе что, неинтересно?

— Мне вот что, Витек, интересно: есть ли жизнь на Луне? — Антоха мечтательно посмотрел на звездное небо.

— Ну не знаю, я не был там, — как будто даже обиделся друг.

— Может быть, сейчас кто-нибудь с Луны наблюдает за нами, как мы с тобою сидим здесь и огурцы Анисимовой уплетаем.

Витька в оба глаза посмотрел на небо и, почесав ухо, убрал огурец за пазуху.

— А им какая разница, чьи огурцы мы едим?

— Да им-то никакая. Да и не в этом дело, Витюш. Я говорю, что, может, кто-нибудь живет на этой самой Луне, такие же, как и мы с тобой.

— Кто его знает, может, и живет, — пожал плечами тот.

— Интересно, — вздохнул Антоха. — Я, когда вырасту, обязательно космонавтом стану, полечу на Луну и все-все разузнаю.

— Так на нее же вроде летали?

— Ну, так это другие летали, а тут я сам полечу, понимаешь, Витек, сам, — размечтался Антошка, радуясь такой перспективе.

Виктор посмотрел на друга и заулыбался.

— Чего ты?

— Да так, ничего.

— А сам-то кем хочешь стать?

Паренек на секунду задумался и пожал плечами.

— Я как-то, Антох, об этом пока не думал.

— А пора уже, скоро и школу окончим.

— Не скоро, два года еще, — убедительно сказал Витька. — А знаешь, чтобы стать космонавтом, нужно ведь учиться хорошо.

— Нужно, — согласился с ним приятель. — Я вот чего подумал: наверное, с осени за уроки возьмусь.

Виктор засмеялся.

— Серьезно говорю. Возьмусь! Чего ты смеешься? Нет, Витюш, нужно к мечте потихонечку идти навстречу, тогда можно будет схватить ее обеими руками и никуда она уже точно не денется, — с какой-то даже маленькой важностью произнес друг. — А давай вместе станем космонавтами?

— Не, Антоха, я не смогу хорошо учиться, не такой я, чтобы за учебниками сидеть.

— И я не такой, но нужно иметь силу воли, — утешал Витьку друг.

— А где она у тебя все это время была, сила воли-то?

— Она всегда была со мной. Просто я раньше не знал, для чего мне учиться нужно, а теперь знаю, — объяснил ему Антоха. — А вдвоем и уроки веселее будет делать. Ты только представь, слетаем мы с тобою на Луну, обойдем ее вдоль и поперек, может, и правда кого встретим там, в газетах про нас напечатают... Приедем обратно в деревню и важно пройдемся по улице. Теперь уже никто не скажет, что у нас с тобою ветер в голове да опилки. Мужики с завистью руку жать будут...

— Да, красиво ты, Антох, расписал все. Мне аж и вправду захотелось космонавтом стать.

— Ну так станем?

— Попробуем.

И, поглядывая на одинокую Луну, Витька снова достал из-за пазухи огурец и принялся им похрумкивать.

Антошка проснулся ближе к обеду. Он быстро заправил кровать, оделся и вышел на кухню. Бабушка пекла пироги, раскатав по все-

му столу припорошенный мукой огромный блин. Окно было распахнуто, и на подоконнике, на расстеленном полотенце, выложенные в ряд, лоснились румяной корочкой уже испеченные красавцы.

— С добрым утром, соня, — ласково улыбнулась ему бабушка.

— Угу, — протирая глаза, зевнул паренек. — А с чем пироги?

— Твои любимые, с картошкой.

Антошка подошел к подоконнику и взял один.

— Нечего всухомятку есть, — поругала его бабушка. — Ступай грядки пока полей, придешь, как раз и я закончу тут. И мне не мешаться! А пироги позже с молоком поешь.

Паренек отправился в огород. У самой калитки, зачерпнув из бочки воды, принялся бегать по грядкам, поливая их из лейки. Эх, все-таки поливать — не полоть. Полил быстренько и руки в брюки, а то ползай на карачках, выдергивая каждый сорняк. Нудное занятие.

Антошка умылся из бочки теплой водой и, положив обратно лейку, тихонько направился к распахнутому окну. Подождав, когда бабушка отвернется, он быстренько схватил три пирога и поспешил на улицу. Эх, взрослые, ничего вы не понимаете. Так же намного вкуснее есть, прогуливаясь по деревне, чем в избе за столом, пусть даже и с молоком. Пироги для того и пекут, чтобы их можно было брать с собою. Но паренек не успел и опомниться, как они у него уже закончились. Однако сытость уже чувствовалась. В одном только бабушка была права: всухомятку много не съешь.

Витька сидел на крыльце и, держа в руке альбомный лист, чего-то рисовал. Так аккуратно и старательно выводил карандашом, что даже не заметил, как к нему подошел Антоха.

— А что это ты делаешь, — любопытно спросил тот, — никак в школу собрался?

— Нет, Антох, не в школу. Я нашел дела поважнее.

— То есть? — не понял Антон.

— Я вчера всю ночь думал, кем стать, — взрослому рассуждал Витька, — и решил, что космонавтом — это все же не для меня. Не смогу я хорошо учиться, да и не хочется мне что-то на Луну.

— И кем же ты решил стать?
 — Художником буду.
 — Художником? — поднял брови Антошка и расплылся в улыбке.

— Художником. А чего ты улыбаешься?
 — Да потому что, Витек, это несерьезно.
 — Ну как же несерьезно?.. Все даже очень серьезно. Понимаешь, Антох, человек должен что-то после себя оставить. Нельзя уходить из жизни бесследно. Стихи Пушкина до сих пор в школе читаем, а он когда еще жил?! Нет, нужно, чтобы тебя помнили всегда, а для этого надо что-то оставить людям. Я пробовал сегодня писать стихи, но не получилось. Не мое. Решил рисовать. Если долго стараться, то что-нибудь получится. Понимаешь? На картины мои и после смерти будут смотреть, а значит, и меня вспоминать, — с гордостью закончил Витька.

— А чего это ты о смерти заговорил?
 — Да я так, образно.

Эх, все-таки интересный парень этот Витька, вечно что-нибудь придумает. То велосипед трехколесный задумает сделать, то крылья... чуть ноги себе не переломал. Теперь, нате, художником решил стать. Будут тебя помнить, не будут — какая разница, тебя-то уже не будет на земле. Эх, забавный он все-таки. Ну да ладно, с ним не поспоришь. Все равно скоро бросит и эту затею. Антоха знал, потому что хорошо уже изучил друга.

— И чего ты рисуешь?

Витька показал ему листок, на котором была нарисована девчонка. Конечно, не художник еще рисовал, но тоже неплохо. Старался, видно.

— Ну как?

— Хорошо. Может, и правда, Витюш, когда-нибудь художником станешь.

От похвалы приятель расплылся в улыбке, и глаза даже заблестели от радости.

— Похоже, да?

— На кого? — удивился Антошка, потому как Витькин рисунок не имел сходства ни с кем, кого он знал.

— На Катю, — тихонько ответил друг.

— Это на ту, городскую, что ли?

— Ну да, — чуть смутился художник.

— Ни капельки.

Витька нахмурился:

— Ничего ты не понимаешь.

— А чего это ты ее вдруг рисовать вздумал?

— А кого же? Тебя нарисуй плохо — обидишься, а ее можно.

— Тоже верно, — согласился Антоха и присел рядом. — Может, мне тоже попробовать порисовать, глядишь, и из меня художник выйдет.

— Конечно, попробуй, — и Витька протянул ему чистый лист с маленьким карандашом.

Антошка, положив листок на колено, принялся что-то рисовать.

— Тоже Катюшку рисуешь? — заглянул на его лист Витька.

— Ну вот еще, нужна она.

— А кого?

— Козу хочу нарисовать, — усмехнувшись, выдал Антоха.

— Козу? — Витька вылупил глаза от удивления.

— А чем коза хуже?

— Да нет, ничем, рисуй.

И каждый принялся рисовать, иногда заглядывая друг к другу, сравнивая со своим рисунком. Как Антошка и ожидал, скоро это занятие надоело не только ему, но и Виктору. Художник из Антохи получался тоже непутевый.

— Витюш! — раскрыв окно, позвала того мать.
 — Здравствуй, Антош.

— Здравствуйте, Галина Сергеевна.

— Держи бидон, ступай до лесу, посмотри землянику. Да и Антон с тобою ходит наверняка. Сам небось давненько бабушке не собирал. А вдвоем все веселее.

Витька забрал у матери бидон. Эх, не любили они с ним собирать эту землянику. Одно дело, когда идешь по грибы, и другое — по ягоды. Сорвал... и сразу же в рот. Маленькая она — ягодка, пока целый бидон наполнишь, полдня пройдет. Хотя земляничное варенье лакомство еще то, тем более в зиму.

И мальчишки направились к Антохе. Тот быстренько забежал в избу за бидоном и, пока бабушки рядом не было, прихватил с собою четыре пирога. Витька также был полностью согласен со своим другом, что пироги намного приятнее есть на улице, нежели за столом. И друзья быстренько их проглотили. По дороге, возле Семенова оврага, они наткнулись на Катю с Ольгой. Та учила городскую девочку плести венок.

— Никак за ягодами направились? — полюбопытствовала Ольга.

Эх, и хитрющая все же она, никто из ребятшек ее не любил. Везде сует свой нос и потом жалуется чуть что.

— За ягодами, — вполне дружелюбно ответил ей Витька, тем самым сильно удивив Антоху. — Сами-то не желаете?

— Я уже на всю зиму насобирала, — похвасталась Ольга.

— Так, может, Катюша пойдет? Все Ивану Сергеевичу приятно будет, коль внучка земляники принесет.

«Какая она тебе Катюша? — подумал про себя Антоха. — Катька она».

Эх, все-таки умел Витька правильно сказать. И эта самая Катька согласилась пойти с ними в лес за земляничкой.

— Зачем ты ее позвал? — недовольно спросил Антон, когда та побежала домой за бидоном.

— Да ладно тебе, втроем все веселее, — только и ответил друг.

Вскоре на тропинке показался ее красный платок, и вот они уже втроем шли к лесу.

В лесу все разошлись по разным сторонам и принялись собирать ягоды. Антошка первым делом срывал и сразу же кидал землянички в рот, а только потом принялся наполнять бидон. Витька же потихонечку-потихонечку приближался к Катерине. Это Антоха, конечно, не сразу, но все же заметил.

— Смотри, какая большая земляника, — поздравил он к себе девочку, показывая на ладони красные бусинки. — У-у, да ты немного насобирала-то.

Катя и правда пока мало набрала. У ребят уже дно было спрятано ягодами. Ну, это понятное дело, они каждое лето в лесу.

— Держи, — и паренек высыпал из ладони ягоды ей в бидон.

— Посмотрите-ка, помощник нашелся, — язвил Антоха, — прям как девка, как девка.

Катя по-доброму улыбнулась Вите, и тот, уже не скрывая радости, принялся ей помогать. Наберет ягод и бросит ей в бидон, только потом себе нарвет немного. Шепчутся чего-то, разговаривают. А Антошка-то злится, что друг на него совсем внимания не обращает, словно и нет его с ними в лесу. Все с девочкой да с девочкой.

«Ну и собирайте вместе, — ругался он про себя. — Все равно я больше вас обоих соберу».

Теперь Антошка во что бы то ни стало решил нарвать очень много ягод, при этом не забывая краем уха подслушивать, о чем там парочка разговаривает.

— А это, Витюш, что за ягоды? — спрашивала Катя, показывая на куст, усеянный манкими красными горошинками.

— Они называются волчьи, их не стоит срывать, — отвечал паренек.

«Каждая баба в деревне знает, что это волчьи ягоды, ух... — сердился про себя Антоха. — Да уж, Витек, не ожидал я от тебя такого подвоха. Тыфу, смотреть противно, хуже девчонки, ей-богу. Видел бы ты сейчас себя со стороны, не раздумывая шлепнул бы себя по уху».

А Витька с Катей собирали ягоды, о чем-то весело болтали, совсем позабыв о хмуром Антошке.

— Держи еще немного, — и Витька снова высыпал Катюше несколько ягод. — Ну вот, уже что-то виднеется на дне.

Не выдержал Антоха, плюнул на все это и пошел к ним.

— На вот еще, — и он высыпал все свои ягоды Катерине в бидон. — На здоровье.

И хмурый пошагал из лесу.

— Куда ты, Антох?! — крикнул ему вслед Витька, но тот лишь махнул на него рукой.

— Постой же! — догнал он его. — Чего ты надулся?!

— Ничего. Ведешь себя как девка. А с ними я, сам знаешь, не вожусь.

Антоха развернулся и пошел в сторону деревни.

Вечером Витька сам отыскал Антошку. Тот сидел на берегу реки и полоскал в воде ноги. Витька присел рядышком. Антоха молчал, делая вид, что не замечает его.

— Обиделся? — тихо произнес тот. — Ну-ну.

— Нужен ты больно, обижаться на тебя.

— Ну я же вижу, Антох... — примирительно начал Витька.

— И я все вижу, — выпалил тот.

— И чего же ты видишь?

— Что влюбился ты.

— Ха, скажешь тоже, влюбился, — попытался отшутиться Витька.

— Конечно же, влюбился, что я, по-твоему, слепой? — не сдавался Антоша, не глядя на друга.

— Ну хватит глупости говорить.

— Какие же это глупости, Витек, — возмутился всё еще дувшийся Антон, — когда ты только о ней и говоришь, рисуешь ее, за земляничкой зовешь, ягоды для нее собираешь. Ну что, не прав я?! Влюбился же, влюбился?!

— Да тише ты, — Витька на всякий случай оглянулся по сторонам.

— Влюбился? Да, влюбился?! — еще громче крикнул Антоша.

— Влюбился, — печально вздохнул приятель.

— Я сразу догадался ведь, сразу, — признался ему Антошка, только вот другу от этого стало не легче, сразу он догадался или нет. — Да, влип же ты, Витюша.

— Сам знаю, что влип.

Антон посмотрел на печального друга и успокоился. Жалко ему его было. Да, попал ты, Витька, попал. Раньше какой парень был — золото, а не парень. Все ребятишки побаивались и ходили в синяках, девчонки стороною обходили, а теперь... До чего же эта любовь портит людей.

— И что делать собираешься? — в голосе Антошки послышалось участие.

— Не знаю, — пожал плечами Витька.

— А она знает, что ты ее любишь?

— Нет, конечно.

— Ты ей еще не сказал? — пытал Антоша друга.

— Хм, еще... Не так-то это просто, Антоха, взять и сказать ей. Вот влюбишься и сам все поймешь.

«Ух ты, как по-взрослому заговорил влюбленный-то наш!» — подумал про себя Антон и предложил:

— Хочешь, я ей могу все рассказать.

— Ты чего, не вздумай! — испугался паренек.

— Не надо.

— Да, плохи дела.

Теперь Антохе было понятно, почему Витька о смерти говорил. Все они, влюбленные, о смерти думают, как Ромео, например. Нет, нужно Витьку избавить от этих мыслей, а то пропадет парень. А кто как не лучший друг Антошка ему в этом поможет?

— Нужно тебя, Витюх, выручать.

— Поможешь, правда?

— Ну конечно, на то я и друг.

— Только смотри, Антох, никому об этом, я только тебе как другу.

— Да успокойся ты, никому я не скажу, — похлопал его по плечу приятель. — Будем за нею следить.

— Следить?

— Ну да, как разведчики. Все о ней разузнаем. Чего она любит, чего нет, что ей интересно, а потом будем действовать. И не заподозрит ни в чем, нас же двое будет, а значит, тебе не до нее.

— Вот это голова, Антох, молодец! — обрадовался Витька и даже как-то повеселел.

— А то! — важно улыбнулся тот, что сумел пободрился друга.

С самого утра они с Витькой принялись вести разведку. Они прошлись по деревне, но Катю нигде не было видно.

— В избе наверняка еще сидит, — предположил Антошка.

— Наверное, — согласился с ним друг.

Они стояли у ее окон, делая вид, что просто остановились, о чем-то разговаривая очень интересном, пока на крыльцо не вышел Иван Сергеевич.

— Здравенько, хлопцы! — поздоровался он с ними.

— Доброе утро, дядь Вань! — улыбнулись ребята и пошли прочь, потому что теперь стоять вот так было очень подозрительно.

Мальчишки спрятались за старым дубом, что рос неподалеку, и принялись ждать. Ждать, когда появится Катя, но она так и не появлялась. Антошка немного заскучал. Он уселся на землю, облокотившись на ствол дерева, и принялся попросту рвать траву у корней. Оказывается, не так уж это и весело — вести за кем-то разведку. Одно дело, когда ты видишь свою цель, а другое, когда вот так наблюдаешь за неизвестно кем. Витька стоял, облокотившись на дерево, и посматривал на окна. Немного погода он похлопал Антоху по плечу:

— Смотри — Ольга!

Паренек приподнялся на ноги. По дороге шла Ольга и, не замечая ребят, зашла к подруге.

— Сейчас выйдут, — промолвил Витька, как бы обнадеживая самого себя.

Но это «сейчас» длилось уж больно долго. Девчата по-прежнему не выходили.

— Да что они там! — нетерпеливо сердился Антоха.

— Сейчас, сейчас выйдут, — успокаивал его друг.

Радовало одно, что Катя была дома, что не напрасно они все-таки здесь ждут. Рано или поздно все равно выйдут. Когда девчата вышли, Витька с Антохой плотнее прижались к дубу, одним глазом посматривая на них. Медленно, о чем-то разговаривая, подруги пошли по деревне. Ребята подождали немного и так же медленно другою стороною последовали за ними. Те зашли в магазин, немного погодя вышли с пакетом конфет и направились обратно. Мальчишки также развернулись и направились к старому месту, изредка оборачиваясь, посматривая, не свернули ли куда девчонки.

Те снова зашли к Кате, и теперь разведчики отчетливо видели в окно, как девчата сидели за столом и пили чай с конфетами.

— Да-а... — с досадой протянул Антоша.

Но Витька не сдавался:

— Терпи, Антох, сейчас выйдут.

С полчаса они наблюдали, как подруги пили чай. Тут поневоле осознаешь всю тяжесть разведчика. Антошка сердился, но оставить Витьку не мог. Во-первых, друг, а во-вторых, сам предложил эту замечательную идею. Наконец девчонки вышли из-за стола, и ребята с облегчением вздохнули, но не прошло и минуты, как они снова уселись и заново разлили по чашкам чай.

— Да сколько же в них лезет! — ворчал Антоха, который, глядя на них, тоже уже захотел чаю.

Наконец-то девчата вышли и снова направились в сторону магазина.

— Ну вот, теперь за печеньем пошли! — обреченно вырвалось у Антона.

Но девчонки направились не в магазин. Они свернули в сторону Семенова оврага, на верхушке которого, у самого края, рос огромный тополь. На этом дереве кем-то очень давно, и уже неизвестно кем, были сделаны качели, на которых любили качаться все деревенские дети. Раскачаешься посильнее и, словно оторвавшись от земли, взлетаешь к небесам. Под тобою только пропасть оврага. И страшно, и здорово.

Разведчики сразу смекнули, куда они направились, и решили их опередить. Другою тропой они обогнали их, первыми прибежав к дереву, и неподалеку залегли в некошеную траву. На этот раз девчата не заставили себя долго ждать. Ольга тут же прыгнула на качели:

— Раскачивай, Катюх, раскачивай!

Катя принялась раскачивать подругу.

— Сильнее, сильнее! — кричала ей та.

И Катюшка старалась изо всех сил. Ольга громко завизжала не то от страха, не то от радости.

Ребята по-прежнему сидели в засаде.

— Чего визжать? — под нос пробубнил Антон.

— Девчонка, — тихонько ответил Витька.

Хотя они и сами любили раскачиваться так, что того и гляди оборвется канат и взлетишь к облакам, при этом крича во всю глотку. Катя отошла немного в сторону, и Ольга постепенно сбавила скорость.

— Зря ты с ними вчера в лес ходила, — произнесла вдруг она, когда качели почти остановились.

— Да я же за земляничкой только...

— Все равно. Ребята они плохие. Особенно Антошка, — отчитывала подругу Оля.

— Чего? — растерялся Антон, улавливая в траве каждое слово девчонки.

— Тише ты, тише, — успокаивал его Виктор.

Ребята навострили уши.

— По мне он и не такой уж плохой, — неуверенно оправдывалась Катерина.

— Ха, — усмехнулась Ольга, — видела бы ты, как он тем летом Юльку с велосипеда столкнул, а Наташке и того хуже — в портфель жабу положил.

Антошка заулыбался, вспомнив свои проделки.

— Ну, похулиганить любит, — заступалась за него Катя. — Они все такие.

— Все, да не все. Не зря мы с Наташкой его Лопухом прозвали.

— Лопухом?

— Ага. Он как-то с Макаром подрался, тот ему по уху и заехал, оно посинело и распухло. Огромное стало, как лопух. Все девчонки над ним смеялись, он потом из дому не выходил. А как скажешь ему «Лопух», так он злится, злится.

Витька заулыбался.

— Да я ей сейчас за это... Ну, я ей покажу Лопуха, дождется она у меня. Ух! — рассердился Антоха и хотел уже было подняться из укрытия, но приятель его остановил.

— Успокойся ты, успокойся, — утешал его друг, слегка посмеиваясь.

— А по мне, Антошенька даже симпатичный, — донесся вдруг голосок Кати.

— Симпатичный? — Оля удивилась не на шутку.

— Немного.

— Чего это она про тебя? — нахмурился Витька. — «Симпатичный, симпатичный»...

— Да я почему знаю? — пожал плечами тот. — Какой я ей Антошенька? Скажет тоже...

— А чего про меня не разговаривают? — как будто даже приобиделся Витька.

— Ну, может, скажут еще.

Но про Витьку так никто и не замолвил слово. Ольга уступила подруге место и принялась ее раскачивать. Катка так же завизжала как резаный поросенок, взлетая над обрывом. И было тоже непонятно, боится она или радуется, а может, и то, и другое. Ветер трепал ее волосы, и эхо доносило крик до самой деревни.

Разведка так результата и не дала. Ничего не удалось разузнать про Катю: что ее интересует и чем она увлекается, только то, что Антошка симпатичный. Но Антоха это и сам знал.

Ребята сидели за деревней на небольшом холме и наблюдали за закатом — как огненный шар скрывался за горизонтом, разбрасывая по небу багрово-красные лучи. Эх, красотища-то какая, красотища! Так и хочется на мгновение стать птицей и порхнуть в небо, туда, за горизонт, вместе с солнцем. Попрыгать на перинах кудрявых облаков и, раскинув руки, раствориться в кроваво-алом закате.

Но, как бы ни было красиво, Антошка по-прежнему сердился на Ольгу. Уж больно обидные она говорила слова. И тихонечко про себя готовил план мести. Витька тоже сердился на кого-то. На кого, он не говорил, но что сердился, было видно.

— Ты о чем думаешь? — спросил он вдруг Антоху.

— Как Ольгу проучить, а ты? — Тот промолчал. — О Кате?

— Угу.

— Слушай, а может, тебе вообще о ней не думать, тогда и пройдет вся любовь, — с сочувствием в голосе предложил Антоша другу.

— Не могу. Я вот пытаюсь не думать, а оно все равно само думается.

— Да, Витюх, я вот никогда не влюблюсь, — убежденно заявил Антон.

— Я тоже так думал, — вздохнул Витька, — а видишь, как вышло...

— Любовь, она же хуже болезни. Когда болеешь, хоть знаешь, что выздоровеешь, а тут даже понятия не имеешь, как от нее избавиться.

— И не говори-ка, — вздохнул приятель.

На минуту пареньки оба приумолкли, и, словно ветер, пронеслась тишина.

— А чего это она тебя красивым называла? — спросил вдруг Витька.

— А что я, страшный, что ли?

— Да нет, я не про то. Просто почему назвала тебя так? — допытывался Витька.

— Да поди разбери этих девчонок, что у них на уме, — ответил Антошка и тут же догадался, почему его приятель хмурится.

Ревнует он. К Антохе ревнует, к своему лучшему другу, вот тебе и дела. Да если бы он знал, что Антоха за него и в огонь и в воду, он бы сейчас так не хмурился. Нашел тоже, из-за девчонки. Ну и Витёк. Совсем портится, прямо на глазах. И чего он нашел в этой Кате? И почему вообще люди влюбляются? Вот живут себе, живут нормальной жизнью, а потом бац, и влюбились. И пошло у них все вверх дном. И меняются сразу, и портятся, и становятся другими людьми. Нет уж, Антоха твердо для себя решил, что ни в одну из девчонок не влюбится никогда. Пускай они в него влюбляются, но только не он.

— Катя, она просто хорошая, поэтому меня и назвала красивым, — решил он подбодрить влюбленного Витьку.

— Хорошая? А это здесь при чем?

— Ну как же... Ольга меня дразнила, смеялась надо мною, а Катя заступилась.

— Ну и...

— Ох ты, непутевая голова! Да если бы Ольга над тобою смеялась, Катюшка и за тебя бы заступилась и назвала бы красивым. Понимаешь? — втолковывал непонятливому другу Антоша.

Витька на секунду призадумался и потихонь-

ку оживился — глаза заблестели, и на лице показалась улыбка.

— Все-таки какой же ты, Антоха, умный! — восхищенно вырвалось у него.

— Да знаю я, — скромно так ответил ему тот. — Так что нечего хмуриться.

— А я уже и не хмурюсь.

— Тогда пойдем купаться.

И они отправились к реке. Как же все-таки забавно купаться ночью. Никого нет, и можно смело поплавать нагишом. И кто хоть раз купался ночью, тот знает, что вода кажется очень теплой, словно ее нарочно кто-то по ночам греет большим кипятильником.

Мальчишки разделись догола и зашли в воду.

— А вот и не поймашь! — толкнул Витька Антошку и скрылся под водой.

— Вот это другое дело! — обрадовался тот повеселевшему другу и нырнул за ним.

Хотя Витька и плавал лучше всех в деревне, все же Антохе удавалось его поймать. Да и сам бывало удирал от него. Хотя от Витьки просто так не ускользнешь, быстрый он, вёрткий, как рыба в воде. И все же Антошка любил соревноваться с ним и верил, что когда-нибудь он угрет другу нос и будет шустрее всех плавать в деревне.

Друзья плавали наперегонки, плескались и от удовольствия орал на всю округу. Вылезали на берег и, хорошенько разбежавшись, с обрыва ныряли рыбкай. Они играли, бесились, дурачились, далеко-далеко прогоняя грусть и печаль. Как же все-таки здорово, когда тебе только четырнадцать, вся жизнь еще впереди и ты с лучшим другом, под звездным одеялом ночи, плещешься в воде, прогнав все тревоги да и вообще позабыв обо всем на свете.

Мальчишки поплыли в ночную даль, где так ярко плясала светлая полоса луны.

— Я на космическом корабле! — радостно кричал Антоха.

— Чего, чего?!

— Я погружаюсь на Луну! — крикнул он снова и нырнул в лунную полосу, играющую на воде.

Когда он вынырнул, Витька что-то коверкал непонятное, ломая язык. Так он изображал инопланетянина. Эх, все-таки хороший он парень, забавный. Правда, Катюха его немного подпортила, ну это ничего.

— Пришельцы! — засмеялся Антошка и ныр-

нул под воду. Витька смекнул, что к чему, и поплыл его догонять.

Надурчившись вволю, они потом еще долго валялись на берегу, наблюдая за звездным небом.

— Двадцать шестая.

— А не двадцать пятая?

— Двадцать шестая, — с уверенностью произнес Антон.

— Что-то уж больно часто звезды падают, — заметил Витька.

— Звездопад...

— Ну все равно, я вот раньше и внимания не обращал, — рассуждал Витька, любуясь ночным небом, — стгорит и стгорит звезда, а сейчас смотри, двадцать шесть уже, а сколько за всю ночь их попадает?

— Много! — повернулся к приятелю Антоха, подперев ладонью щеку.

— И я про то же.

— А представляешь, Витюх, если на каждой из них есть жизнь... — размечтался было Антон.

— Ну, это уж ты преувеличиваешь. Какая там может быть жизнь? — прервал его Витька.

— А инопланетяне, по-твоему, где живут?

— На Марсе, на других планетах, а чего им на звездах-то жить?! — как само собой разумеющееся выдал Витёк.

— Эх, Витька, Витька, а знаешь ли ты, что есть такие звезды, которые во много раз больше нашей Земли, — блеснул познаниями друг.

— Слыхал.

— Ну вот. А значит, и на них может быть жизнь.

— Ну не знаю, — промямлил Витька.

— А представляешь, если и наша Земля так же стгорит? — понесло Антоху.

— С чего бы это ей стгореть?

— А с чего звезды, по-твоему, падают?

Витька на секунду задумался и, ничего не придумав, пожал плечами.

— То-то же!

Возвращаясь домой, они по дороге встретили старика Василия, того самого, что обещал им надрать уши за kota.

— Здоровенько, хлопцы! — поздоровался он с ними. — Чаго не спите?

Дядя Вася был в хорошем настроении, а это значит, что он уже забыл про их проделки и

уши уже не надерет. Хороший он все-таки был старик.

— По домам уже идем, а сами чего гуляете? — ответил за двоих Антоха.

— Да у Егорыча засиделся, молодость вспоминали, — с этими словами старик задумчиво улыбнулся. — А луна нынче какая! Да-а. Тишина кругом, только с невестами и гулять.

Антоха посмотрел на старика.

— Дядь Вась, а что девчонки любят в мальчишках? — поинтересовался он, потому как влюбленный Витька точно ни за какие деньги не спросил бы.

— То же, что и мальчишки в них, — лукаво улыбнулся старик.

— А как им понравиться?

— А тебе зачем? Уж не влюбился ли ты, Антоха?

— Ой, да ну скажете тоже, — и Антошка даже сам как-то немного застеснялся.

— Вот и я про то же, — улыбнулся дед Василий. — Тебе, оболтусу, только кошек гонять.

— Ну а все же, дядь Вась?

— Девчонки, они ведь любят, когда им внимание уделяют, ухаживают, — снова как-то задумчиво улыбнулся старик, видно, и правда что-то вспомнил из своей молодости.

— А как за ними ухаживать? — тут уже и Витька вмешался в разговор.

— Стихи, например, читать им, цветы дарить, подарки делать...

«Цветы!» — в один голос вырвалось у мальчишек. И как они раньше не догадались!

— А еще в мою молодость девки очень любили гармонистов.

— Гармонистов? — Антоха озадаченно почесал затылок.

— Гармонистов. Любят они, когда им песни о любви поют. Так что учитесь играть на гармонии, женихи, — и с этими словами старик попрощался и свернул к своему крыльцу.

Антошка посмотрел на друга и по его взгляду догадался, о чем он сейчас думает. У тетки Матрены в саду росли лилии. Красивые такие, каждое лето она их сажала и любовалась ими. Да только Матрена — это не Анисимова, не простая баба, шум поднимет на всю округу. Антон печально вздохнул.

— У Матрены, Антох... — начал было Витька.

— Думаешь, стоит? — осторожничал Антошка.

— Мы совсем немножечко, она и не заподозрит.

Так и решили пойти. Но у старухи в избе еще горел свет, и мальчишки, притаившись у забора, принялись ждать, когда она ляжет.

— И как мы сразу с тобою не догадались про цветы, — сквозь заборную шель посматривая на лилии, на которые падал оконный свет, сокрушался Витька.

— Ну так... поди разбери, что им, девчонкам, нужно.

— Эх, и обрадуется Катя моим цветам, такой букет сделаю, — Витька был в предвкушении.

— Какой такой букет?! — одернул его Антоха. — Цветов рви немного, а то попадемся с тобою, и тогда уже точно взбучки не миновать, из дому не выйдешь.

— Да знаю я, — отмахнулся жених. — Все равно букет красивый будет.

Свет в окне погас, и ребятишки еще немного подождали, чтобы Матрена смогла заснуть. Антоха остался за забором, а Витька осторожно и очень тихо перелез в сад. И только он подобрался к цветам, как свет в избе зажегся снова. Воришка притаился у самых окон. Антоха принялся поглядывать на дверь, но никто так и не вышел. Немного погодя свет снова погас и на этот раз уже больше не загорался. Витька осторожно подполз к лилиям и принялся их срывать. Один, два... девять...

— Куда ты рвешь! Хватит! — пытался остановить его шепотом Антоха.

— Сейчас, сейчас, еще немного! — женихавшегося Витька было не унять.

— Куда немного, хватит, говорю!

Но Витька жадно срывал цветы, а на Антошкины слова только кивал головой. Сорвав с два десятка лилий, только тогда перелез обратно.

— Ну вот и все, — довольный собой, улыбался он. — Ну как тебе букет?

— Как бы за него по шее не получить.

— Да не переживай, — убедительно махнул рукой приятель. — Мало ли кто к ней в сад залез.

Они быстренько покинули место преступления, скрывшись между домами в темноте.

— А как ты, Витёк, ей собираешься его подарить? Сам?

Паренек призадумался. Хорошенько задум-

мался, даже улыбка на лице пропала куда-то. Он, видно, и сам пока этого не знал.

— Что-нибудь придумаю.

И Витька придумал. Когда они расходились по домам, на крыльцо Ивану Сергеевичу он положил свой шикарный букет лилий. Положил, и на этом все. Никакой записки не оставил, словно Катя сама должна была сразу догадаться, что это от него.

С самого утра Антошка полил огород и убрался во дворе. И только он сполоснулся теплой водой из бочки, как к нему на велосипеде примчал Витька.

— Салют труженикам!

Антоха отвел его подальше от избы и поинтересовался букетом.

— Все. Он уже у нее.

— Да ты что! Ну и как, ей понравился?

— Конечно, такой букет разве может не понравиться, — Витька был явно горд собой.

Ну еще бы, цветов он не пожалел.

— И что она тебе сказала? — выяснял подробности Антошка.

— Да ничего не сказала. Я же его на крыльце оставил.

— Как на крыльце?

— Так, на крыльце. Поди, подари ей, тут же на смех поднимет.

Но на смех поднял Антоха:

— Да ведь она даже и не думает, что это от тебя. Э-э-х, и нужно было столько цветов переводить. Все попусту.

— Ничего не попусту. Пойдем мы с нею вновь за земляникой, я и спрошу, так, невзначай: какие тебе, Катюш, цветы нравятся? Мне, скажу, лилии, а тебе? И она все поймет.

Да, все-таки Витька сообразительный парень! До такого додуматься еще нужно. Неизвестно, правда, сколько он думал, но все равно нужно. Антоха только молча улыбнулся.

А у Витьки в голове была еще одна идея:

— Слушай, я к тебе ведь вот по какому делу. Одолжи мне гитару на несколько дней.

— Это зачем? — не понял Антоха.

— Играть буду.

— Ты же не умеешь.

— Да долго, что ли, научиться, — махнул рукой Витька. Все у него всегда было очень просто.

— Это как гармонисты, что ли? — начал догадываться Антон и усмехнулся.

— А чего ты улыбаешься? Верно старик говорит: девчонки, они талантливых любят.

— Я и смотрю, талант из-за ушей хлыщет, — язвил Антошка.

— Ну так как? Дашь гитару?

— Дам, но возьму у тебя велосипед покататься.

— Идет! — и они пожали друг другу руки.

Антошка вынес из предбанника гитару и, отдав ее другу, сел на его старенький велосипед.

— Играй сколько хочешь!

— Катайся на здоровье, — подмигнул ему тот и отправился к себе учиться играть.

Антошка помчался колесить по деревне, громко и радостно посвистывая. Только куры с гусями разбежались в разные стороны, громко горляня. Паренек крутил изо всех сил педали, представляя под собою мотоцикл. Промчавшись туда-обратно, он выехал за деревню, петляя по узенькой тропинке. Впереди виднелся сосновый бор, совсем рядом протекала река, и яркое солнце слепило глаза. Антоха любил, как и все мальчишки, кататься быстро. Он разогнался изо всех сил, отпуская от руля руки и хлопал в ладоши над головой. А когда резко тормозил, задние колеса заносило вбок и пыль, словно туманом, накрывала Антоху. Паренек снова прыгал на велосипед и мчался дальше.

Как же все-таки здорово кататься на велосипеде. Разгонишься посильнее, летишь вместе с ветром наперегонки, и кажется тебе, что вот так вот мог бы исколесить всю планету. Над головою, покрякивая, проносятся утки, скрываясь за макушками сосен. А ты мчишься за ними на велосипеде, и кажется тебе, что сейчас так же взлетишь, как они, и пролетишь над этим полем, над этой рекою прямо к облакам. Туда, за горизонт, в неизвестность... а там — новая жизнь. Не такая, как эта, совсем-совсем другая. Именно там и живет сказка, которую Антошка любил слушать перед сном от бабушки, когда был еще совсем маленьким. Там, за горизонтом, и находятся тридевятое царство, меч-кладенец, в диких лесах стоит избушка на курьих ножках, в которой живет-поживает Леший с Ягою. Над лесом пролетают волшебные гуси-лебеди, как сейчас над Антохой утки, и непременно, все там же за горизонтом, живет

самая красивая принцесса, которую нужно спасти.

Антошка так замечтался и засмотрелся вдаль, что и вовсе забыл про дорогу. Колесо случайно свернуло с тропы, руль вывернуло в правую сторону, и, успев только закричать, он кубарем грохнулся на землю. Очень сильно ушибся. Поглаживая голову, паренек посмотрел на разбитое левое колено, из которого сквозь пыльные ссадины сочилась кровь.

— Ты живой?! — слышалось неподалеку. К нему бежала Катя.

— Вроде как.

Антоха посмотрел по сторонам и увидел позади себя велосипед. Руль был вывернут в обратную сторону, и переднее колесо напоминало цифру восемь. Паренек печально вздохнул:

— Да, расстроится Витька.

— Дурак, — заругалась Катя. — Ты себе шею свернуть мог. Велосипеду-то чего, это железа, его починить всегда можно.

Антошка прищурил один глаз, потому как солнце ослепляло сверху, и посмотрел на девочку.

— А ты здесь чего делаешь?

— Гуляю, с самого утра. Вдоль речки прошлась туда-сюда, венки вон из ромашек сплела. В траву легла, глаза прищурила, смотрю на солнышко, а по руке так щекотно божья коровка бежит. Я ее пальцем взяла с локтя, а она крылья раскинула и полетела дальше, — Катя улыбнулась. — А потом слышу, несется кто-то. Голову-то подняла, гляжу, а это ты кубарем летишь. Испугалась, думала: разбился. Слава богу, все обошлось.

Витька там, значит, с ума сходит, с гитарой мучается, а она здесь с божьими коровками играет. Эх, несправедливая все-таки эта жизнь. И Антоха немного нахмурился, словно девочка была чем-то виновата, что гуляла здесь.

Катя присела рядышком и осторожно коснулась его ноги.

— Не болит колено? — так заботливо поинтересовалась она, что паренюк как-то стало даже не по себе.

— Нет, — покачал тот головой.

— Все равно рану стоит промыть. Пошли к реке.

И Катя сама взяла его за руку и помогла под-

няться. Она отряхнула его футболку и брюки от пыли и, подобрав поломанный велосипед, пошла вперед. Антоха, прихрамывая, поплелся за нею. Там, на берегу, она по-хозяйски посадила его в траву и сняла со своей головы красный платок. Девчонка подошла к воде и, намочив один кончик, принялась осторожно протирать Антохе разбитое колено.

— И не жалко тебе платок пачкать?

Катя помотала головой.

— Я тебе новый не буду покупать.

— Дурачок.

Чего это она все с ним ласково да ласково так? То Антошенька, то дурачок? Хотя пускай, это было и непривычно, но все же приятно. Не так часто его называли дурачком, матушка и та последнее время все оболтусом большим бранила. Катя улыбалась, и Антошка, глядя на нее, тоже засиял. Все-таки ловко она промывала ему колено, тихонько так, осторожно, даже и не больно совсем. Уже и пощипывать перестало. Почему-то Антохе на мгновение показалось, что вот так он мог бы просидеть очень долго, поглядывая на ее загорелые худые руки.

— Ну вот и все, будете жить, — снова ласково улыбнулась ему подруга, как медсестра больному.

Антошка, любуясь ее зелеными глазами, тихонько поблагодарил.

— Всегда пожалуйста. А это правда, что у вас здесь русалка водится?

— Ты про Анюту?

— Ага.

— От кого уже узнала? — удивился Антошка.

— Ольга сказала. Я у дедушки спрашивала, говорит, брехня это все, а Ольга уверяет, что правда. Ну так как?

— Поговаривают, что когда-то, давным-давно, — начал Антоха будто сказку рассказывать, — когда мамка еще моя совсем малой была, жила в нашей деревне девица, Анютой звали. Светловолосая, коса до пояса, глаза голубенькие, звездочками горят, самая красивая в деревне была. И приглянулась она Гришке. А тот шальной парень был, озорной, красивый, как черт сивый, все девчонки по нему сохли. Стал вечерами под ее окнами песни петь, гулять звал, так и полюбила она его. А Гришке чего, несерьезно он к ней. Тут уже о женитьбе раз-

говор пошел, как вдруг Гринька с другою по деревне идет под руку, а на Анюту ноль внимания, словно видит впервые. Та с горя в реке и утопилась.

— Пряма так взяла и утопилась? — Катя схватила ладошкой за щеку.

— Так и утопилась. Забрали Гришку всей деревней, тот в город подался. Больше его никто и не видел.

— А где она утопилась? — спросила девочка.

— А вон за тем холмом, где ива растет. Там Анютин обрыв, — и Антошка показал рукою. — С тех пор, поговаривают, темными ночами с тех мест доносится тихий жалобный плач, это Анюта плачет, заманивает к себе.

— Заманивает? — округлила Катерина глаза.

— Конечно. Все они, русалки, такие, заманивают плачем, чтобы их пожалели, а потом хват — и под воду. И поминай как звали.

— Это зачем же?

— Это они только в сказках добрые, — рассказывал Антошка, что сам знал, — русалки-то, а на самом-то деле ух... Скучно ей одной в реке. Вот и потопит, если попадешься.

— А ты ее видел, Антош?

— Нет, не приходилось, — развел паренёк руками.

— А Ольга видела, — таинственно сказала Катя.

— А ты верь ей больше, она и не такого наговорит. Трепло, — пренебрежительно выдал Антон.

— Ну зачем ты так, может, и правда, видела, — заступилась за подругу Катя. — Говорит, шла как-то вечером возле того обрыва и слышит, плачет кто-то, жалобно так, вот как ты мне сейчас говоришь, подошла она поближе и видит: девица сидит и золотистые волосы гребнем расчесывает. Расчесывает и плачет, а из воды хвост рыбий выглядывает. Увидела Ольгу и рукою зовет ее к себе, да только та не пошла.

— Брешет твоя Ольга, ей женихи нужны, она парней заманивает, а Ольга ей на кой?!

— Ну, не знаю, — пожал плечами Катя. — Жалко ее, плохой все-таки этот Гришка. Ты бы, Антоша, так не поступил бы, ведь не поступил бы?

Антон покачал головой.

— Я знаю, ты хороший.

И чего это она все: хороший да хороший?!

Откуда она знает, какой Антоха? Он сам-то себя хорошим не считает. Кошек вон гоняет, проказничает, девчонок обижает, по огородам лазит. Прошлым летом они с Витькой председателю в палисадник ужа подбросили за то, что тот пообещал им на колхозной лошади дать покататься, ежели те в колхозе конюшню помогут вычистить. Они с Витькой два дня пыхтели в этой конюшне, умаялись — страх. А на лошади так и не прокатились. Все потом да потом. Вот и верь после этого взрослым. Шуму, правда, было с этим ужом, даже сейчас вспоминать не хочется. Почему-то обо всех их с Витькой проделках узнавали сразу, словно невезенье какое на них. Правда, потом Степан Иванович выдал родителям картошки, но ведь договаривались не на это.

Катя приподнялась с травы, нарвала ромашек и снова уселась рядом с Антохой. Принялась плести венки.

— Забавно так, — улыбнулась она. — Я вот раньше и не умела, а Ольга показала разок, и научилась сразу.

Ее зеленые глаза горели маленькими яркими огоньками, и улыбка ослепляла чем-то добрым и теплым, что и самому сразу хотелось тут же улыбаться. Хорошая она девчонка, не зря так понравилась Витьке. Не то что Ольга-вредина. А с Катей и поговорить приятно. Красивая она. Почему-то Антошка только сейчас это заметил и даже как-то немного испугался ее красоты. Уже с какой-то скромностью он любовался ее ловкими ладонями и поглядывал на красивое загорелое лицо.

— Вот и все. Нагни голову, — велела ему девочка.

Антошка послушно подвинул ей свою голову, и та надела на его лохматые волосы венки. Теперь они оба были как царь и царица, с коронами из полевых трав.

Весь день они с Катей провели у реки, прогуливаясь вдоль берега. Она рассказывала ему о своей городской жизни, и Антоха внимательно ее слушал. Ему и правда почему-то это было очень интересно. Он слушал ее и срывал ромашки, что попадались по пути. Когда же в руке образовался маленький букет, он протянул его девочке. Катя улыбнулась и приняла от него подарок.

— Мне еще никто не дарил цветов, — чуть смутилась она.

Антошка вспомнил про вчерашние лилии и как-то очень обрадовался тому, что она не знала, от кого они были. Они разошлись с ней только под вечер, когда уже начинало смеркаться. Не успел Антоха поставить поломанный велосипед в сарай, как к нему забежал Витька.

— Где тебя весь день черти носили? Который раз уже к тебе захожу.

— Катался.

— И Катка куда-то подевалась, целый день не было видно. Ольга как сумасшедшая всю деревню обегала. Ты не видел ее?

— Нет, — почему-то сам себе на удивление соврал Антон. Наверное, не хотел расстраивать друга, а может... может, просто не желал ему ничего рассказывать.

— Сам, что ли, сплел? — кивнул Витька на венок, что одела на него Катерина.

— Ага, — и Антошка снял его с головы.

— Делать, что ли, нечего?

— Нечего, — улыбнулся тот.

— И куда она пропала? — в недоумении чесал приятель затылок.

— Я это, Витюш... — виновато признался Антоха. — С велосипеда упал, колесо погнул.

— Как уж умудрился?

Паренек пожал плечами. Витька, как всегда, махнул рукою. Ему сейчас было не до велосипеда.

— Да черт с ним. Я и сам две струны порвал.

Постояли немного. Витька предложил пройти по деревне, но Антону не захотелось. Так и разошлись.

Половину ночи Антоха не мог заснуть, перед глазами стояла Катюшка и все ослепляла его своею улыбкой. Ее зеленые добрые глаза по-прежнему горели огоньками, а ловкие ладони плели для него венки. Она все так же ласково называла его Антошенькой, дурачком, на что он вовсе не обижался. Солнце ярко-ярко слепило глаза, а они с Катюшкой бежали по ромашковому полю и весело смеялись. Все кругом было усыпано одними ромашками. Не видать ни конца, ни края — только небо и ромашки. Антоха бережно срывает их и делает огромный, огромный букет.

— Мне еще никто не дарил цветов, — говорит Катя, а сама улыбается. Они берутся за руки и бегут по цветочной тропинке, что петляет прямо к небесам. Вот уже и облака проплывают рядом, что их можно погладить ладонью. Катя смеется, а сама все прижимается к Антохе. Вдруг раздается плач. Внизу у обрыва сидит русалка и жалобно так зовет Антошку. Тот по тропинке медленно спускается к ней.

— Антошенька, не ходи, не надо, останься со мною, — ласково просит его Катюша.

Тот посмотрел на русалку, что вытирала слезы, и побежал обратно к девочке. Так Антошка и уснул.

Утром Антоха хотел заняться починкой Витькиного велосипеда, с которого вчера так здорово умудрился слететь. Но не успел. Прибежал Сережка и своим писклявым голосом сообщил, что Матрена сейчас направляется к нему. Оказывается, она еще вчера подняла шум по поводу лилий, а сегодня утром узнала от старика Василия, что Антошка-жених интересовался подарками и цветами. Все было ясно как божий день. Непременно нужно было удирать. Если же старуха застанет его сейчас дома, отец точно его поколотит при ней, а так, может, обойдется подзатыльником. Антоха хорошенько призадумался. Хотя нет, подзатыльниками тут точно все не решится. В любом случае нужно пока удирать. И паренек, поблагодарив спасителя, кинулся предупредить Витьку, но тот уже сам бежал к нему сообщить пренеприятнейшую новость.

Они вместе удрали за деревню и весь день провели на лугу. Друзья валялись в траве, в которой весело стрекотали кузнечики, и любовались небом, по которому плавно передвигались пушистые облака. Что-то не давало Антохе покоя. Может быть, намечающаяся порка? Нет, не то. Хотя и эти мысли временно затаились в голове и изредка навещали паренька, но и это было не самым главным. Как будто что-то у него отняли, а вот что, он не мог понять. Витька что-то рассказывал про Василия и про вчерашний шум, поднятый Матреной, но Антошка его не слушал. Слова друга до него не доходили, все ускользали как-то мимо ушей. И тут паренька озарило. Просто Кати сейчас нет рядом с ними и он понятия не имеет, где она

сейчас и что думает по поводу этих непутевых лилий. Ведь теперь выходит, что это он ей подарил. Как-то стало сразу на душе противно. Антоха нашел ответ на свой вопрос. Не хватало Катюши, ее добрых живых зеленых глаз и веселой улыбки. Не хватало. Вот что терзало Антошку, и он очень испугался этой мысли. Испугался, потому что стал догадываться, что тоже влюбился. Эх, попался Антоха на крючок, как не хотел он этого, стоит все же признать, что Катерина запала ему в душу. Глубоко запала, что и не вытряхнуть оттуда. Антошка печально вздохнул. Он покосился на друга. Витька, закинув ногу на ногу, закрыв глаза, лежал рядом и улыбался. Тоже о ком-то думает. И Антоха догадался о ком. Как-то даже это рассердило и расстроило его. Им обоим понравилась одна и та же девчонка. А может быть, она и еще кому нравится. Не исключено. Такая понравится. Эх, Катя, Катя... Витька, Витька... И Антоха — молодец... Как теперь другу об этом сообщить, как смотреть ему в глаза. Он ведь ему доверился, признался, что любит ее, а он взял и так предательски поступил — тоже влюбился. А что, Антоха виноват, что ли? Нет, конечно. Но признаться Витьке он пока не решился. И от этого что-то внутри обжигало ему всю душу на протяжении всего дня.

Ближе к вечеру решили разойтись. Нечего теперь прятаться. Рано или поздно все равно надо возвращаться домой, да и кушать уже сильно хотелось. Витька отправился к Семенову оврагу, проверить, не катаются ли там девчата, а Антоха побрел домой. Когда шел по деревне, ему навстречу попала на велосипеде Ольга.

— Жених! — выкрикнула она и рассмеялась.

Антошка погрозил ей кулаком, но та показала ему язык и умчалась дальше.

Паренек, опустив голову, молча шел по деревне. Ему все казалось, что все наблюдают за ним из окон и посмеиваются. Даже несколько воробьев, что сидели на заборе, и те как будто чирикали ему: «Жених, жених!»

Антошка достал из штанины рогатку, поднял с земли камушек и только прицелился в маленьких безобидных птах, как внутри послышался нежный Катин голос: «Антошенька, ты же хороший». Паренек опустил рогатку. Да что же это с ним происходит? До чего же портит

людей эта любовь! Уже и из рогатки пальнуть не может. Антон печально вздохнул. Он прекрасно понимал, что тоже потихоньку меняется. Парень сломал рогатку и выбросил в траву.

Проходя мимо дома Ивана Сергеевича, он увидел Катю. Та в саду собирала с земли опавшие яблоки.

— Здравствуй, Антоша, — поздоровалась она с ним.

— Привет, — тихонько кивнул ей тот.

— Будешь яблоко?

Паренек покачал головой, но Катя все равно бросила ему одно. Тот ловко поймал его и, протерев ладонью, надкусил. Кушать и правда очень хотелось.

— Чем занимался сегодня?

Ее глаза по-прежнему сверкали чем-то добрым и теплым, и улыбка не сходила с ее красивого лица. Чему она улыбалась? Может, лилиям, которые Антоха ей вовсе и не дарил? В любом случае чем-то хорошим веяло от ее улыбки, что и самому тут же захотелось улыбнуться. И вся печаль, что не покидала Антоху весь день, куда-то быстро исчезла.

— Да так, за деревней с Витькой гуляли.

— А мы сегодня весь день у Ольги были, у нее кошка окотилась четверыми. Маленькие такие, хорошенькие. Один черненький весь, а ухо белое, представляешь, два сереньких и один в маму, рыженький.

Забавная она все-таки девчонка. Хорошая. Добрая. Так и хотелось с нею общаться и общаться. Легко с нею было. Антошка тоже засиял.

— А ты любишь рыбачить? — спросил он ее.

— Рыбалку?

— Ну да.

— Я ни разу не была на рыбалке, — неуверенно ответила Катерина.

Наверное, Антошке нужно было сейчас тут же предложить ей с ним порыбачить. Но он почему-то промолчал. Зато хорошо теперь понимал Витьку, когда тот скромничал.

— А ты, Антош, сам-то любишь рыбачить?

— Люблю.

Паренек заметил в глазах девочки интерес и предложил ей пойти с ним.

— Я только с радостью! — обрадовалась Катя.
— А когда?

— Ночью, в три, я зайду за тобой.

— Ага, — моргнула глазами та. — Только, Антош, это, у меня удочки нет.

— Не страшно, — улыбнулся парень, — у меня их много. Я тебе возьму и подкормку приготовлю. Ты, самое главное, не проспай, будь готова к трем.

— Не просплю, Антош, не просплю...

На крыльце показался Иван Сергеевич, и Антоха, поздоровавшись с ним, быстренько удалился.

Он уже не шел, а летел домой, так хорошо и легко было на душе. Она идет с ним рыбачить. Ночью. И ей самой интересно и хочется пойти на рыбалку. И это словно окрыляло Антоху, ему и правда казалось, что он сейчас взлетит высоко-высоко. Все-таки это не так уж и плохо — любить. Только вот крылья его куда-то быстро подевались, как только он подошел к дому. Эх, сейчас начнется. Антоха вздохнул и зашел в избу. Бабушка сидела на кровати и что-то вязала, батя на кресле листал газету. Матери дома не было.

— Ну, здравствуй, жених! — кивнул ему отец. Настроение у него было хорошим. А это значило, что взбучку Антоха пропустил. Он молча стоял в дверях и смотрел на отца.

— Ну как, цветы-то хоть понравились?

Антон молча смотрел в пол.

— Ну чего стоишь, ступай ужинай, — улыбнулся тот. — На будущее: букет лучше купить в городе, а то так шею в следующий раз намылю, мало не покажется.

Паренек молча согласился с отцом и отправился на кухню, где на плите его уже поджидала картошка с грибами. И чего он так улыбался ему? Может, и сам когда-то за цветами лазил по садам? Все может быть. Антошка помыл руки и принялся ужинать.

Паренек с вечера приготовил червей. За сараем, у самого забора, была небольшая куча навоза. Он несколько раз швырнул ее лопатой и набрал десятка три сочных полосатых червячков. Запустил их в банку и подсыпал немного навозу. Там же, в сарае, он достал пару удочек, с которыми не так давно ходил рыбачить. Только тогда еще с Витькой. Эх, и много же они с ним окуней натаскали! Все знают, что

самый хороший клев начинается с утра или же под вечер. Поэтому Антошка и позвал Катю ночью. Вечером, ясное дело, неудобно было бы идти с ней по деревне с удочками. А ночью — мило дело, когда все еще спят. И место у него есть особое, безлюдное. Далековато, правда, идти, но это того стоит. Рыбы там всегда — пруд пруди. Да и не знает о нем никто. Никто, кроме Витьки. Стыдно, конечно, Антохе было перед другом, но поделаться с собой ничего не мог.

— Вот схожу на рыбалку с ней, потом обязательно ему признаюсь, что и мне нравится Катя. Обязательно, — решил паренек.

Всю ночь Антоха не сомкнул глаз. Да и разве заснешь, когда стрелки на ходиках с каждой минутой приближали к встрече. Это получается уже даже свидание. Ха, свидание. Паренек улыбнулся. Не думал он, что и правда когда-нибудь пригласит кого-то на свидание и с таким нетерпением будет его ждать. Смешно даже. Но с Катей ему было в тот день очень и очень хорошо. Он даже не мог описать это состояние. С нею было по-настоящему легко и интересно. Нет, конечно, и с Витькой ему тоже всегда интересно, но это не то. Нет с другом той легкости, какая была тогда с ней. Эх, да чего еще объяснять, Антошка и сам пока не знал, что происходит с ним.

— Взрослеешь, сынок, взрослеешь. Скоро и усы расти начнут, — вспомнились слова матери.

— Как у папки?!

— Может, как и у деда, — улыбалась мать. — Какие захочешь, такие и отпустишь.

После этих слов он подолгу крутился у зеркала, представляя себя с усами и посматривая на свои светленькие усики, которым еще расти и расти. Эх, как же ему тогда хотелось, так же как и папка, намазать щеки пеной и провести по ним бритвой.

— Всему свой час, — улыбался ему отец. — Надоест еще.

Антошка повернулся на другой бок. В окне красовалась бледнолицая луна. Паренек подложил под голову руку и уставился на нее. «Нет, все-таки интересно, есть ли жизнь на Луне? Ну ведь должен же кто-то на ней жить. А если есть жизнь? Ну, предположим, есть. То ведь должна быть, значит, и любовь? Должна. А как же!

Должна, конечно, как же тогда жить без любви». Нет, братцы, без любви жизни быть не может, это даже Антоха понимал. «С самого рождения человек любит и любим. Родителей любит, труд свой любит, даже Гринька-тракторист, который никого никогда не любил, и тот трактор свой всей душой обожает. Нет, без любви нельзя, без любви человек был бы тогда не человек. Быть может, сейчас на Луне тоже какой-нибудь лунотянин, так же как и Антоха, лежит себе в постели, любит нашу Землю и ждет не дождетса назначенного свидания». С этих мыслей паренек слегка улыбнулся. «Все может быть. Эх, как далеко находимся друг от друга, а как одинаково можем вместе с ними любить. Подумать только».

Антоха прикрыл глаза, но не заснул, нет. Разве мог он этой ночью уснуть? Он просто представил себе зелененького человечка, который живет на огромной Луне. И почему Луна такая белая? Да потому, что усыпана одними ромашками, вот и кажется она такой бледной. Так вот, лежит этот человечек в постели, ждет свидания с зеленой девочкой и любит нашу Землю из окна нашей огромной и красивой Земли. А может быть даже, тоже думает об Антохе, как он сейчас о нем. Все может быть. Парень шмыгнул носом и приоткрыл глаза. Ходики показывали половину третьего. Пора.

Антошка тихонько оделся, взял рюкзак и на носочках, чтобы никого не разбудить, вышел во двор. Он еще с вечера в старый рюкзак, с которым всегда ходил на рыбалку, уложил по паре помидоров и огурцов, горбушку хлеба и лук, завернутые в газету. В старую стеклянную баночку подсыпал свежей соли и накидал несколько картошин и, прихватив во дворе все принадлежности для рыбалки, направился к Кате.

В небе одиноко горела луна, и звезды, словно пшено, разбросанные по всему небу, шептались друг с другом. Ни единой души. Легкий теплый летний ветерок слегка играл с листвою деревьев, создавая тихую шуршащую мелодию. У фонаря на покосившемся столбе кружили мотыльки, постукивая о стекло. Все вокруг тихо дремало сладким сном. Как же Антоха любил эти теплые летние ночи и частенько грустил по ним студенной зимою. В такую ночь

он мог бродить до рассвета, просто так, ни о чем не думая, просто бродить и наслаждаться тишиною. Даже пахли такие ночи особым теплом и нежностью.

Оказавшись у дома Ивана Сергеевича, Антошка облокотился на забор. В избе не горел свет. Да и с чего бы ему гореть, если он и сам себя не включал его, чтобы никого не будить. Парень поднял с земли камушек и запустил в окно. Щёлк! Антоха присел, поглядывая сквозь заборную щель. Никто не появился.

«Спит, наверное», — подумал паренек и снова запустил камушком.

Теперь за занавеской уже появился силуэт. Распахнув тихонько окно, высунулась Катя.

— Я сейчас, — шепнула она.

И через пару минут она аккуратно вылезла в окно. На ней была старенькая болоньевая курточка, серая кофта и зеленые штаны. На голове красовалась смешная шапочка, из-под которой торчала черненькая челка. Антон улыбнулся: «Где она ее отыскала?»

— Дед сказал, что по ночам холодно, — объяснила Катюша, догадавшись, что повеселило приятеля. И сама, улыбнувшись, сняла шапочку и убрала в карман. — Пока и так хорошо.

— А через окно чего? Или в городах сейчас так принято? — пошутил паренек.

Катя, прищутив нос, улыбнулась:

— Дедушку не хотела будить, он и так ночами плохо спит.

И они направились к реке, что протекала рядом, стоило только спуститься с горы. Антоха вел Катю к своему заветному месту, до которого нужно было хорошенько пройти пешком. Девочка молча шла за ним, не спрашивая, куда он ее ведет. Значит, так нужно. Минут через сорок они наконец-то добрались до тайного места, что находилось в низине, и из-за этого даже днем деревню не было видно. Среди зарослей камышей виднелся маленький бережок.

— Ну, вот и пришли.

— Ты здесь всегда рыбачишь?

— Ага. И ты должна это сохранить в тайне.

Никто, и тем более Ольга, не должны знать об этом месте. Хорошо?!

Катя кивнула головою.

— Ну и замечательно. Сейчас костер разведу, рассветет и закинем удочки.

Антошка нарочно позвал Катю так рано. Он знал, что еще пару часов рыбачить нет смысла. Но очень уж хотелось посидеть с ней у ночного огня, да еще в такую прекрасную ночь. Ночь действительно выдалась теплой. Катя сняла с себя болоньевую куртку и, положив на землю, уселась на нее. Антон наломал сухих веток, которые валялись повсюду возле старой ивы, что росла неподалеку, и разжег костер. Робкое пламя осветило округу, и на душе сразу стало как-то хорошо и тепло.

— А я вот так ночью у костра сидела три года назад, когда была в пионерском лагере. И все, — призналась Катя. — Вы, наверное, здесь в деревне каждое лето вечерами костры жжете?

— Ну, в общем, да, это не в городе, — согласился Антоха. — Хотя, знаешь, все мы из деревень произошли. И в каждом из нас, будь ты городской или сельский, течет та крестьянская кровь. Поэтому каждому русскому человеку до сердца любви наши поля, костер вечерний, песни под гармонь...

— Думаешь, и вправду все из деревень произошло? — будто засомневалась Катя.

— Ну а как же. Конечно. Ведь раньше же не было городов. Давно, совсем давно. А если и были города, то не такие, как сейчас. Те города — большие деревни были. И так же жгли в них костры, пели песни под гармошку, плясали и прыгали через огонь.

Катя усмехнулась.

— Серьезно говорю. Помню, бабка рассказывала, когда маленьким еще был. Залезешь зимою на печку, укутаешься в одеяло, лишь нос один торчит. На окнах узоры, метель свистит, а бабушка сидит у стола и все носочки мне вяжет или кофточку какую. Попросишь ее рассказать что-нибудь и, затаив дыхание, слушаешь, а она улыбнется да и начнет вспоминать юность свою. Как под гармонь плясали, как по деревне с частушками ходили да через костер прыгали. Разведут удальца-молодца, что аж пламя до небес танцует, и прыгают через него. Или как на женихов гадали...

— Гадали? На женихов?

— А как же! Еще как гадали! В полночь нагишом в бане суженого вызывали...

— А нагишом-то зачем?

— Ну, это уж я не знаю, — пожал плечами Ан-

тоха, — принято, наверное, так было. В зеркало смотрятся, вызывают, а рядом свеча горит да яблоко на блюде лежит, и обязательно спелое. Чем слаще яблоко, тем слаще и любовь будет. Катаешь яблоко по блюду, в зеркало смотришь и шепотом: «Суженый, ряженный, выходи...», и так несколько раз, пока отражение его в зеркале не увидишь. А коли свеча погаснет, то не приглянулась никому. Так и останешься девой.

— И как, появлялось лицо? — любопытствовала Катя.

— Бабка Евдокия рассказывала об этом, Витькина бабушка, она шустрая у него, смешная. А вот видела ли жениха или нет, об этом умалчивает. Не говорит, и все. Улыбается только. Значит, видела. Ты вот даже и не знала об этом, да и я только понаслышке. Сейчас уж так не гадают, а пройдет еще немного времени — и вообще забудется все это.

Катя смотрела на Антошку с неподдельным интересом и улыбалась.

— Чего ты?

— Забавный ты, Антоша, интересный.

— Да ну... это... — паренек засмутился и уставился на пламя костра. Все же могут эти девчонки в затруднение ввести.

— А я, Антош, в городе у себя в бассейн хожу, плаванием занимаюсь вот уже как семь лет. В соревнованиях областных много раз участвовала, грамоты получала.

— Молодец. Оно и видно, как хорошо плаваешь.

— А ночью так ни разу и не купалась. Ольгу звала, да не хочет, она и днем-то плохо плавает,

— Катя в нерешительности помолчала и спросила: — А ты, Антоша, по ночам купался?

— Много раз. Здесь по правую сторону, вон туда если плыть, — показал он рукою, — песчаное дно. Мы много раз здесь с Витькой купались.

— А давай сейчас искупаемся?

— Сейчас?

— Ну да. Давай?

— Можно.

Они разделись, сложили одежду у костра и зашли в воду.

— Вода какая теплая, Антошка, прелесть!

— Тише, смотри, — прошептал паренек, показывая рукою на другой берег.

Катя обернулась и внимательно стала всматриваться в темноту.

— Я ничего не вижу.

— Вон там, видишь, русалка наблюдает за тобой, та самая Анютка, — и на серьезном Антошкином лице расплылась улыбка.

— Дурачок, — и девочка тоже улыбнулась на его шутку. — А если она и правда меня схватит, заступишься?

— Она девчонок не хватает.

— Ну а если?

— Она тебя не догонит, ты сама, как русалка, плаваешь.

— А все же если догонит? — не унималась Катюша.

— Заступлюсь. С двумя она с нами точно не справится.

— Как же тут хорошо, Антоша, — радовалась Катя. — Обязательно Ольгу уговорю искупаться ночью.

— Да она трусиха, — засмеялся паренёк и весь скрылся на секунду под воду.

— Все равно уговорю, — не сдавалась Катерина, переворачиваясь на водной глади.

— Мне нравится плавать возле лунной дорожки, но она сейчас далеко и там одна тина.

— Тогда туда не поплывем.

Катя легла на спину и, раскинув руки, свободно и тихонько поплыла. Антоша тоже перевернулся на спину и держался рядом.

— Забавно, Антош, лежать вот так на воде и смотреть на звезды.

— Забавно, — согласился тот. — Это же разные планеты, на которых, может быть, даже и есть жизнь.

— Конечно, есть, — подтвердила Катя, будто сама там бывала.

— Ты правда так думаешь?

— А почему бы и нет?! Ведь мы же живем на Земле. Возможно, и на других планетах есть жизнь, просто они так далеко от нас, что мы об этом просто не знаем. Вселенная бесконечна! — негромко прокричала Катя в ночи.

— Может, кто сейчас и наблюдает за нами, давай помашем им рукою, — придумал Антошка.

— Давай.

И они дружно принялись приветствовать неведомых космических друзей.

— *Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.*

И ангел поднял в высоту

Звезду зеленую одну,

И стало дивно на мосту

Смотреть в такую глубину,

В такую высоту...

— прочитала Катя и, посмотрев на Антона, улыбнулась. — Это Блок.

— Вот отучусь, Катюш, и стану космонавтом, тогда точно долечу до той самой планеты, где есть жизнь.

Катя тихо засмеялась.

— Чего ты смеешься?

— Ничего, — будто подразнивала она его.

— Тогда не смейся.

— Догоняй, космонавт! — и, толкнув друга в плечо, девчонка скрылась под водой.

Парень тут же нырнул за нею, но поймать не смог. Та хитро ускользнула прямо перед его носом.

— Ну, чего же ты, догоняй! — смеялась неподалеку Катя.

Антошка догадался, что не так-то и просто будет ее поймать, но проигрывать ей уж очень не хотелось. И он погнался за ней. Но Катя и правда была прирожденной русалкой и плавала очень быстро. Она ловко от него ускользала, выныривая совсем рядом. Постепенно Катюша стала понемногу поддаваться Антону, и уже тот убежал от нее, а она пыталась его догнать. Паренек не догадывался, что ему поддаются, и, радостный, удирал от Катюши.

Веселые и запыхавшиеся, они вылезли на берег. Костер уже догорал, маленькое пламя слегка танцевало на углях. Катя взяла одежду и ушла за кусты выжиматься. Вернулась уже одетая, а Антоша к тому времени подкинул сухих веток в костер.

Начинало рассветать.

— Прохладно стало, — сказала она, подбираясь поближе к огню.

— Сейчас обсохнем, и снова станет тепло.

У Катюши в животе тихонько заурчало, и она улыбнулась:

— Это гномики.

— Кто? — не понял шутки друг.

— Гномики, — все так же улыбнулась Катя.

— А-а.

Из уже открытого рюкзака Антоха достал сверток из газеты и, развернув его, положил рядом с Катей.

— Дома палкой не заставишь кушать, а на природе — милое дело.

— То на природе, — согласилась с ним девочка.

Посыпая солью огурцы и помидоры, они принялись завтракать. И такой вкусной и аппетитной казалась сейчас простая еда, словно они сто лет ничего не ели. Антон расшвырял веткой угли и достал из золы несколько картошин, напоминающих сейчас головешки. Он закопал их, когда они с Катей еще уходили купаться. Ребята, аккуратно обдирая пальцами обгоревшую сторону картофеля, самую сладость солили и осторожно клали в рот. Да разве домашняя жареная картошка сравнится с такою вкуснятиной — конечно же, нет! Легкий перекус на природе лучше сытного обеда дома, это знают все.

На реке послышалось побрякивание. Катя поднялась на ноги и увидела уточку с четырьмя утятами. Они плыли неподалеку от берега.

— Смотри, Антош, утки!

— На прогулку вышли.

Девочка покорила в ладони хлеб и бросила в воду, но утка, побрякивая, вместе с малышкой отплыла в сторону и поплыла дальше.

— Они не будут, Катюш, кушать, ведь они не ручные.

Рассвело очень быстро, летом всегда очень быстро рассветает. Солнца пока еще не было видно, но на горизонте уже виднелись красные облака. Антошка оделся и принялся разматывать удочки.

— Начнем рыбачить?

— Да, пора уже, — мотнул головой тот, разматывая леску. — Закинем вон в ту сторону, где кусты, там всегда рыба водится.

Размотав одну удочку, он отдал ее Кате и принялся разматывать другую.

— Черви в банке.

Девочка подошла к стеклянной емкости и осторожно вытащила оттуда двумя пальцами скользкого извивающегося червяка. Посмотрев на него, она снова убрала его в банку.

— А на что еще ловить можно?

— На хлеб, но я советую на червя.

— Я на хлебушек буду.

— Смотри сама.

Катя скатала пальцами маленький комочек хлеба и, надев его на крючок, осторожно закинула в воду. Правда, получилось не очень далеко от берега, поэтому поплавок ее лежал на воде.

— Что это с ним? — спросила она Антоху, который насаживал на крючок наживку. Тот посмотрел на воду и улыбнулся.

— Все нормально, просто закинь немного подалее.

Катя так и сделала, но поплавок по-прежнему лежал на воде. Антошка закинул свою удочку и помог девочке, опустив на ее леске поплавок вниз и закинув его прямо перед собою, далеко-далеко. Из воды торчало несколько рогатин, и Катя аккуратно положила удилище на них.

У Антона заклевало, и он, немного приподнявшись, коснулся ладонью удилища. Катя смотрела на его поплавок, что изредка поплясывал на воде. И только когда тот ушел под воду, Антошка потянул удочку и вытащил на берег небольшую рыбешку. Это был окунь, чуть поменьше ладони.

Катя тихо засмеялась над его уловом.

— Кошке пойдет, — сказал Антон.

— Да он же еще маленький, ему расти и расти. Давай отпустим.

И Антошка отпустил рыбу. Он насадил нового червя на крючок и обратно закинул удочку. И только он присел на траву, как поплавок его снова ушел под воду. Антоха дернулся, схватил удилище и снова вытащил рыбешку чуть побольше прежней. Паренек покосился на подругу и молча выпустил и эту рыбку на волю.

— Что-то каких-то ты мелких таскаешь, — подшутила над ним Катя.

— Ты и таких-то не поймала.

— Что-то не клюет.

Катя подняла удочку проверить наживку, но ее хлебушек так и не был тронут.

— Надень червя.

Она вновь достала из банки червячка, но надевать его на крючок пока не спешила, замешкалась. Парень догадался, в чем дело. Девчонка есть девчонка! Антошка разорвал червя пополам, одну половину бросил обратно в банку, другую надел на крючок и, закинув леску далеко в воду, протянул удилище Кате:

— Держи!

Та взяла удочку.

— Теперь закроет, — заверил тот.

— Ты так думаешь?

— Увидишь.

И действительно, клев начался у обоих. Катя с Антохой только и успевали вытаскивать удочки. У них был уговор: пойманную рыбу меньше ладони отпускать. И все равно, как бы много рыбы они ни отпускали, с десятков каждый из них поймал. И довольно приличных окуней. Из мелочи попадались в основном ротаны да гольяны, но их тут же отпускали. Катя быстро вошла в азарт. Да и как же можно было не войти, когда, не успеешь закинуть удочку, поплавок тут же начинал плясать и скрывался под водой. И она уже сама, не дожидаясь Антохи, который также был занят хорошим клевом, надевала червей на крючок.

Но вот солнышко разыгралось на небе вовсю, и прекрасный клев стал потихонечку спадать. Даже мелкая рыбешка, что поначалу очень радовала, а потом надоедала, и та пропала.

— И что, больше не будет клевать? — спросила чуть растерянная Катя, поглядывая на неподвижный поплавок.

— Может, и будет еще. Подождем, — деловито успокоил Антон. — Сколько у тебя?

Катя заглянула в красное ведерко, в котором бутыхались пойманные ею рыбины:

— Шестнадцать. А у тебя?

— Двенадцать.

Девочка довольно улыбнулась и в шутку задрала кверху нос.

— Я много рыбы отпустил, — оправдывался слегка смущенный Антоша.

— Я тоже отпускала, — озорно, по-доброму блеснула глазами Катерина.

— Я больше! — упрямо спорил паренёк.

— А вот и неправда!

Солнышко припекало сверху, и до того было тепло и хорошо, что так и хотелось растянуться на травяном покрывале. Что они и сделали. Антоха с Катей развалились на траве и принялись греться на солнце, изредка поглядывая на поплавки, которые безжизненно лежали на воде. По небу проплывали огромные пушистые облака, толкаясь и наползая друг на друга. Они также отражались в воде, и очень забавно было наблюдать за ними и сверху, и снизу.

— А знаешь, Антош, — мечтательно начала вдруг Катя. — Я очень люблю наблюдать за облаками. А ты?

— Не знаю.

— Ты только посмотри, Антош, каждое облако — это отдельная фигура. Сейчас это просто облако, а через минуту это уже птица, а еще через пару ты уже видишь перед собою дракона. С крыльями, хвостом, а может быть, даже и с пламенем.

— Да, да, — согласился с ней тут же паренек, — мне тоже нравится наблюдать, как облака меняются на глазах.

— И они не просто меняются, а словно невидимый художник создает из них свои картины, каждый раз преображая что-то новое, — расслабленно разглагольствовала Катерина.

— Смотри, Катюш, вон то облако очень похоже на слона, — и Антошка показал рукою. — И хобот, и уши — вылитый слон.

— А я что говорю!

Катя была права. Через несколько секунд облако стало меняться, вытягиваться, словно и правда невидимый художник создавал из него новый портрет. Теперь это уже был не слон, а крокодил с раскрытой пастью, правда, с тремя лапами.

— Теперь уже крокодил, — заметила девочка.

— Ага. Похож.

Катя показала на другое облако.

— А вон то похоже на зайца.

Антошка присмотрелся получше и покачал головой:

— Нет, не совсем заяц. Голова, верно, заячья, а тело больше на овечье похоже.

— Заяц в овечьей шкуре, — улыбнулась Катя.

— Да, это мечта всех волков, чтобы зайцы с овечек ростом водились в наших лесах.

Антоха посмотрел на поплавки, но те по-прежнему неподвижно лежали на воде.

— А вон то облако похоже на сердце, — шепотом сказал он.

— Где?

— Вон! — и показал рукою.

— Не, это скорее похоже на солнце или на мяч, — не согласилась Катерина, присмотревшись.

— Было сердце, — мягко настаивал Антоша.

— Теперь уже просто круг, — вздохнула девочка. — Как быстро меняются фигуры, правда?

Катя осторожно сняла пальцем с лепестков ромашки божью коровку и направила его к солнцу. Божья коровка немного покружилась и, расправив крылья, полетела.

— Как же здорово, Антош, вот так вот лежать в траве и любоваться небом, — призналась она и, закрыв глаза, снова глубоко вздохнула. — Подумать только — под нами маленький мир, свое государство...

— Государство?

— Ну, конечно. Мы вот ходим по земле и не замечаем, что под ногами отдельный мирок. Ты только глянь, — и, приподнявшись на локотке, Катя руками раздвинула траву. — Сколько жучков, червячков и букашек живут здесь, бегают и работают.

— Здесь я с тобой согласен.

— Знаешь, Антош, я обязательно куплю себе дорогой и хороший фотоаппарат, это, конечно, когда заработаю сама денег, и тогда стану фотографировать природу. Облака, как они преобразуются в зверюшек, деревья, озера, котят за игрой, ту же самую божью коровку, как она летит к небу, к солнышку. Ведь фотограф — он такой же художник и тоже видит красоту по-своему, и запечатлеет ее на пленку, чтобы потом поделиться с окружающими.

— Витька тоже художником хочет стать, — серьезно сказал Антоша, вспомнив про друга.

— Вот молодец. А он хорошо рисует?

Антошка припомнил Витькин портрет, где тот рисовал Катю, и помотал головой:

— Не, плохо пока.

— Ну, может, еще научиться. Москва тоже не сразу строилась, главное, чтобы у человека была цель. Ты вот, Антош, кем хочешь стать, что тебе интересно? — Катерина перебирала руками травинки.

— Ну... Мне Луна интересна. Я космонавтом хочу быть, — признался паренёк.

— Значит, будешь, — уверенно ответила Катя.

— Ты правда так думаешь?

— А почему бы и нет? Если человек чего-то очень хочет, он непременно добьется. Главное, была бы цель.

Катя посмотрела на свой поплавок.

— Ну вот, у меня снова он лег.

Антоша тоже глянул на воду.

— У тебя же клюет! Тяни скорее.

Катя вскочила на ноги и схватила удочку, но та не поддавалась ей.

— У меня не получается!

— Осторожнее веди, а то леску порвешь, — со знанием дела скомандовал Антошка. — Ослабь немного.

Паренек тоже стал помогать, и они вместе повели рыбу к берегу.

— Никуда не денется, хорошо сидит. Главное, леску не порвать.

Рыбину, которая с трудом давалась, все же вытащили на берег. Это был карась, и, как Антоша прикинул на глаз, где-то на полкило. Катя очень радовалась улову и тому, что рыба клюнула именно у нее. Ведь никогда еще ей не приходилось вытаскивать таких громил. И Антошка был очень рад пойманному карасю. Рыба изгибалась и прыгала на берегу, а ее чешуя серебром играла на солнце. Антон снял ее с крючка и запустил в ведро.

— Так, — потеряла ладони подруга, — сейчас только нового червячка надену...

— Думаешь еще одного такого же поймать?

— Ага, — кивнула она и, насадив наживку, закинула удочку. Поплавок лег далеко и плавно, как у Антошки.

— Ну вот, уже научилась.

Но поймать еще одного такого же карася не удалось. За все это время ни у одного так ни разу больше и не клюнуло.

Домой вернулись только к обеду. Антошка протянул бабушке пакет с уловом и направился на кухню.

— Ну вот, — улыбнулась она такому подарку внука, — к вечеру зажарим.

На плите стояла кастрюля со свежим борщом, но паренек налил в бокал молока и намазал хлеб вишневым вареньем. Это и был весь его обед. Как он уже говорил, на природе мило дело, а дома палкой не заставишь есть.

В избу вошел отец.

— Собирайся, поможешь.

— Пускай парень пообедаст, только пришел, — вступилась бабушка.

— Некогда, мать. Пошли.

Антоша отправился с отцом на улицу. Дяде Митяю, двоюродному брату отца и Антошкиному дяде, что жил на окраине деревни, из лесу

грузовик привез бревен. Под баню. Он давно собирался ставить новую, старая уже никудашная, только на дрова и годится. Антоху с Юркой, старшим сыном дяди Мити, как самых молодых, отправили на кузов толкать бревна. Ну а мужики, ясное дело, принимать и складывать.

Первые бревна давались еще кое-как, но постепенно руки стали трястись и в глаза начал заползать соленый пот.

— Не торопись, хлопцы! — кричал дядя Митя.
— Пупки надорвете!

— Сами не надорвите! — улыбались ребятишки. — Мы и не такое можем!

— Вот окаянные, — смеялись мужики.

Показывать усталость, которая уже одолевала, ни Антохе, ни Юрке не хотелось. Что они, слабаки, что ль? Работать, так со всеми на равных. И силы сами откуда-то тут же появлялись.

Разгрузив бревна, мужики присели отдохнуть и закурили.

— Молодцы! — похвалил юных помощников дядя Митя. — Ты, Михаил, своего куда, в колхоз аль в город?

— Ему еще два года портфель носить.

— А я следующей осенью своего оболтуса в город, в институт, на инженера, — рассуждал дядя Митя.

— Поживем — увидим, — сказал отец, — в колхоз наш всегда успеет.

— И то верно, — согласился дядя Митя, — образование нынче нужно.

— Да учиться-то не хочет.

— Думаешь, мой гранит науки грызет? Черта с два! Это пока они на нашей шее сидят, им хорошо, а как за порог отчего дома выйдут, то запоют. Сейчас ведь образование везде требуется, брат, дураков не берут. Не набрался вовремя ума-разума, ступай коровам хвосты крутить. Сейчас молодежь, та, что поумнее, в город рвется. И правильно. Что в нашей дыре делать? — развел дядя Митя руки. — Это уже мы старые, а вам, молодым, свет увидеть нужно. Учиться надо, специалисты, они, брат, везде нужны, нигде не пропадут.

— То-то и оно, — вздохнул отец, и по его взгляду Антошка понял, что он полностью был согласен с дядей Митей.

— И я за ум возьмусь. С этого года учиться буду, — твердо заверил Антоха батю.

Отец, усомнившись, улыбнулся.

— Правда, говорю, учиться стану. Космонавтом буду, — не отступал парнишка.

Тут и дядя Митя заулыбался.

— А чего смеетесь. Человек должен ставить перед собою цели и достигать их. Если чего-то очень хотеть, то обязательно добьешься. Человек без цели — не человек.

Дядя Митяй засмеялся в голос:

— Ишь, как заговорил!

Отец потушил окурочок и приподнялся с бревен.

— Поживем — увидим, — тихо сказал он и нахлобучил кепку по самые брови.

Они с дядей Митей отправились обратно в колхоз, а мальчишкам теперь оставалось очистить кору с бревен.

— А ты это серьезно, Антох, про космонавта-то? — решил уточнить Юрка.

— На полном серьезе.

— Ты это молодец, а я на инженера пойду.

— Каждому свое.

И, оседлав бревна, как молодых лошадаков, они топориками принялись счищать кору. Причем каждый из них ставил перед собою цель очистить больше бревен, чем другой. Вроде и не договаривались, но негласно соперничали. И хотя Антоха на пару годков был помладше Юрки, но ничуть ему не уступал. Кора летела в разные стороны, лезвие топора гуляло по бревну, а по щекам градом катился пот. И только ближе к вечеру, измученные и обессиленные, они закончили работу и улеглись возле бревен. Сколько каждый из них очистил, сказать точно не мог никто. Да это уже, по большому счету, было и не важно. Оба были довольны завершенной работой. Юрка, поблагодарив брата, зашел в избу. Антошка же решил пройтись до реки, остудиться и смыть себя всю накопившуюся грязь.

Откуда-то издалека доносилось мычание коров — это Егорка-пастих гнал стадо в деревню. По дороге Антохе попался Витька. Тот шел хмурый и, увидев друга, поспешил к нему.

— Привет, Витюш, чего не в настроении?! — поинтересовался тот, как только он подошел ближе.

— А то ты не знаешь... — обиженно ответил Витька и опустил глаза.

— Чего не знаю? Да что с тобой?

— А больше в дураках водить меня надо, — сказал Витька, отворачиваясь от друга.

— Чего? В каких дураках? — Антошка уставил-ся на него непонимающим взглядом.

— В самых что ни на есть настоящих.

— Ты о чем, Витек, я не понимаю.

— Я о тебе и о Катьке! — наконец закричал Витька.

Антоха тут же поник головою. Ему стало очень неудобно и стыдно перед другом. Все оно, конечно, было так. Он прятал от него глаза и не знал, что сказать в оправдание. Но ведь он сам хотел ему во всем признаться. Откуда он узнал?..

— Что, съел?! Думал, я ничего не узнаю! — кипятился раскрасневшийся Витька.

— Я сам тебе, Витюш, хотел все рассказать, — повинился друг.

— Ну, сейчас, как же, держи карман шире!

— Честно говорю.

— Я и вижу, какой ты честный, — голос Витьки звенел в ушах.

— Откуда узнал?

— Не твоего ума дело.

— Ольга сказала? — допытывался Антон.

— Нашлись добрые люди, открыли глаза.

— Я же вижу, что Ольга, больше некому. Ну ей! — вспыхнули гневом Антохины глаза.

— Только тронь ее, поколочу, — грозно предупредил Витька.

Антоха от удивления даже рот раскрыл. Как так «поколочу»? Это он сейчас кому говорит, Антохе, лучшему другу, из-за Ольги?.. Хотя какой он ему теперь лучший друг, если сам так предательски поступил? Ничего не скажешь.

— Ты чего?

— А ничего, — сердито ответил тот. — Я тебе как другу доверился, раскрылся, значит, совета и помощи просил, а ты... Ты как предатель, как гнида! На фронте таких расстреливали. Пока я тебе доверял и ждал от тебя помощи, ты по рыбалкам с нею ходил и про русалок болтал!

Антошка печально вздохнул. Он теребил руки, не зная, что и ответить.

— Не подходи больше к ней, понял?! — гневно выпалил Витька.

— Как так? — Антон даже растерялся.

— А вот так. Я люблю ее, а тебе... Тебе нечего с ней дружить. Понял?

— Нет.

Антоха был обескуражен словами приятеля. Ведь он и сам любил Катю и не хотел, да и не мог с нею не дружить. Как он может ему в этом запрещать.

— Не дружи, и все, я сказал, — сердито приказал ему Виктор и погрозил кулаком.

Как-то само оно все вышло. Слово за слово, ругань за руганью, и в итоге они сцепились и стали драться. Они катались по земле, злобно пыхтели и наносили друг другу удары. И только свалившись вдвоем в овраг, кубарем скатившись вниз, хорошенько ударившись о землю, успокоились.

Антоха ладонью вытирал окровавленные губы, с разбитой правой брови тоже сочилась кровь. Витька так же плевался ею и утирал нос.

— Выходит, тоже влюбился? — обреченно и очень тихо выдохнул он.

Антоха молча кивнул головой.

— А говорил, никогда не влюбишься, э-эх!..

— Да кто же знал, что я, нарочно, что ли? — примирительно ответил паренек.

Витька поднялся на ноги, отряхнулся и пошагал в гору. Антошка обхватил голову руками, и по его щеке прокатилась одинокая слеза. Он понимал, что дружбе конец.

Все-таки странная штука жизнь. Дружишь с человеком все детство, знаешь как самого себя, доверяешь ему, надеешься на него, а появляется какая-то девчонка, которую ты раньше и знать не знал, и ломает всю дружбу. Все доверие, все самое сокровенное и теплое ускользает сквозь пальцы, словно и не было никогда этой дружбы. Странная, странная она, эта жизнь.

Антошка дотронулся до затылка и нащупал небольшую шишку. Она слегка побаливала. Почему-то вдруг вспомнилось прошлое лето, когда они с Витькой рано утром ушли на рыбалку в Черемушки, за десять километров. Порыбачили, конечно, вдоволь. Хорошо половили. И перед дорогой решили искупнуться. Нырнули в теплую воду, побултыхались немного и давай уже вылезать, как Антоха у самого берега ногу стекляшкой проколол. И глубоко проколол — не наступить, больно до слез.

Витька тут же рубашку свою порвал и перевязал тому рану. На одной ноге далеко не пропрыгаешь. А прыгать десять километров.

– Ты вот что, – сказал тогда Антоха, – беги к отцу, пускай на тракторе едет за мной, не дойду.

– Ну вот еще, на уши поднимать всех, – деловито сказал Витька, – вместе ушли, вместе и придем.

– Не дойду, говорю.

– Донесу, значит, – Витька стоял на своем.

– Это чай не с нашей реки, – но друг лишь нахмурил брови.

И ведь донес. Пыхтел, как маленький трактор, шел кое-как, останавливался каждые пять минут, но донес. Не оставил. Хороший он, Витька, парень. Хороший.

Антошка печально вздохнул, поднялся, отряхнулся и направился в деревню. По дороге его догнал Виктор.

– Пошли со мной, – сухо сказал он.

– Куда?

– Пошли, узнаешь.

Антон последовал за ним. Шли молча. У школы на скамейке сидели Ольга с Катей. Антоха издали еще приметил их и почему-то заранее испугался. Легкий холодок пробежался по всему телу. Паренек догадался, что шли к ним. Так и было. Подойдя к девчонкам, Витька поздоровался и замолчал. Молчал и Антон. Стояли долго. Выглядело это все как-то нелепо. Зачем пришли? Ни Антошка, ни девчонки не знали. Знал один Витька, но и он пока не решался никому ничего объяснять. Уйти бы. Антон уже подумывал об этом. Но вдруг Витька решился:

– Катя, а мы к тебе.

– Ко мне? – удивилась девочка.

– Угу, – мотнул он головой.

– Ну... – улыбнулась она. – Чего вам?

– Кто тебе больше нравится: я или Антон?

– Чего? – растерялась Катя.

Ольга тихонько хихикнула, но, увидев Витькин серьезный взгляд, отвернулась.

– Ну, кто тебе больше нравится, я или Антоха? Ты просто скажи.

Катя растерянно посмотрела на Антошку и тут же обожгла его взглядом. Паренек спрятал глаза. Так было больно и неудобно, что хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть. А она все смотрела и молчала, словно ждала, что же скажет Антоха. А что тут скажешь? Эх, Витька, Витька, какой же ты дурак!

Не дожидаясь ответа и ни слова никому не сказав, Антошка свесил голову и направился к дому.

Всю неделю его не было видно. Да и самому ему не хотелось никого видеть, особенно Катю. Уж очень он боялся с ней встретиться. Именно боялся. Как ей теперь смотреть в глаза? Вон она как посмотрела, прям всего обожгла взглядом, всего увидела. Витька, Витька, натворил делов. Сам небось сейчас так же прячется и нос из дому не кажет. Да, как ни говори, а любить не то что сложно – невыносимо. Аж выть хочется. Антошка сам не узнавал себя в последнее время.

– Подменили. Испортили, – все бранил себя.

Весь день Антоха трудился во дворе. То скотину покормит, то огород прополет. Отец краску голубую купил, и паренек забор покрасил с обеих сторон. А еще через пару недель договорились с ним, как у отца выходные будут, крышу новым шифером покрыть. Работать Антошке нравилось, за работой меньше думалось о Кате. И только вечерами, когда начиналось смеркаться, паренек уходил за деревню и подолгу бродил возле реки. Дома было невыносимо. Никуда не спрячешься, ничем не займешься. Да и мать начинает уже расспрашивать, не заболел ли наш Антошка... Изменился весь, молчит целыми днями, работает, с ребятами перестал водиться. Витька и тот уже не заглядывает с неделю. С вопросами все лезет, а что тут ответишь... Э-э-эх, да лучше бы заболеть!

И теперь с первыми сумерками Антошка уходил к реке и подолгу бродил один вдоль берега. Видеть по-прежнему никого не хотелось. Иногда, наверное, даже приятно побыть одному и собраться с мыслями. Антоха уселся в траву. На небе стали появляться маленькие звездочки, и среди них королевой ночи объявилась луна. Все-таки невыносимо больно любить, не признавшись в этом. Когда признаешься и отвергнет, то хоть знаешь, что не нужен, а тут всю голову по ночам сломаешь. Антошка уставился на темную гладь воды, и тут же вспомнилось, как они с Катей рыбачили, как сидели у костра и пекли картошку. Как же было все-таки хорошо совсем еще недавно, Антоха был счастлив. А теперь? Как же хочется снова пойти с ней на ры-

балку, посидеть у костра, под звездным небом и говорить ей всю ночь о домовых и русалках и даже о любви. И пусть она улыбается и внимательно слушает, а Антоха умеет рассказывать, за ним не заржавеет. Он такого напридумывает, только чтобы Катя слушала и ей было интересно. А он будет рассказывать и рассказывать и любоваться ее улыбкой. Ведь как ни говори, а красиво Катя улыбается. Красиво...

Антошка улыбнулся сам. В животе заурчало. Собираясь уходить из дому, он съел только яблоко, и живот теперь напомнил ему об этом. «Гномики», — вспомнилось слово Катерины. Придумает тоже! Антошка снова улыбнулся.

Вспомнился Витька. Вовсе не хотелось думать о нем, но почему-то он вспомнился. Ведь как ни говори, а хорошими они были друзьями. Хорошими. Лучшими. А ведь они с ним как-то Каткиному деду спать не давали.

— Давай старика развеселим? — предложил как-то Витька.

— Как?

— Поставим стукалку, пускай немного развеселится, а то кислый совсем.

— Давай! — тут же согласился Антоха.

Поздней ночью, когда все в деревне давно спали, подкрались к избе Никонова. Двойную черную нитку с привязанной гайкой прицепили к раме окна на кнопку и протянули через весь сад. Спрятались по ту сторону забора и давай тихонечко тянуть и отпускать. Гайка по стеклу «стук-стук-стук», «стук-стук-стук».

Тишина.

— Спит, — шепнул Витька.

— Надо разбудить, — сказал Антошка и, забрав у друга нитку, что есть мочи давай тянуть. «Дзинь-дзинь-дзинь» — заплясала гайка по стеклу.

— Хорошо как слышно.

— А то.

В избе загорелся свет. Мальчишки присели на корточки, прячась за широкими ребрами забора. В окне появилось заспанное лицо Ивана Сергеевича.

— Кто? — хриплым голосом спросил он.

В ответ — тишина.

В сенях загорелся свет. Заскрипели половицы. Старик вышел на крыльцо.

— Кто тут?

Тишина. Никонов потоптался на месте и вошел в избу. Немного погодя свет снова погас.

— Подождем, — предложил Витька.

— Давай, — согласился Антоха.

Подождали. Витька вновь «стук-стук-стук», «стук-стук-стук». Тишина.

— Не так надо, — и Антошка снова взял нитку.

«Дзинь-дзинь-дзинь».

— Да ежик кот! — послышался разъяренный голос Ивана Сергеевича.

— Злитесь, — догадался Витька.

— Ага.

В избе загорелся свет, и в окне ребятишки увидели хмурое лицо старика. Он вновь вышел на крыльцо, огляделся, прошелся по саду, ругаясь себе под нос, и снова вернулся в избу.

Хулиганы подождали немного, и снова раздалось противное «дзинь-дзинь-дзинь». Свет в избе по-прежнему был выключен, хотя послышались шаги. В сенях раздался громкий вопль кота, видимо, старик впотьмах на него наступил.

— Брысь! — послышался голос Ивана Сергеевича.

На крыльце показался Никонов. Он, делая вид, что разгуливал по саду, приближался к забору.

Ребята смекнули, что старик догадался, и бросились бежать.

— Я вот вам, окаянные, все уши пороссятам пообрываю! — слышалось вдогонку, но мальчишки уже нырнули в темноту.

— Думаешь, разглядел? — поинтересовался Антошка, как только отбежали подальше.

— Завтра узнаем.

Но старик ничего не увидел, и хулиганы ловко отделались от оплеух. А вот с Матреной вышло не так все удачно.

Позапрошлым летом у Антошки отец зарезал козла. И Антоха припрятал отрубленную голову за баней, в лопухах. Он тогда еще смекнул, что можно хорошенько порезвиться.

— Куда голова-то делась? — спросил отец.

— Не знаю, — соврал Антон.

— Вот так дела, — удивился тот.

Поискал, поискал, да плюнул, не все же кверху дном поднимать из-за козьей башки. А Антошка вечером к Витьке, так, мол, и так, го-

лова козья в лопухах припрятана. Витька сразу смекнул, что к чему. Подождали, пока стемнеет, взяли козью башку и направились к Матрене. А голову на кол деревянный посадили. Подкрались к ее окнам и давай козьими рогами по окну стучать, а сами у завалинки прячутся. Матрена глянула в окно-то, так и села на пол. Витька палкой трясет, башка вертится, рогами по стеклу возит, чуть ли не ушами шевелит. Да Антошка еще во весь голос: «Ме-е!» Такое началось. Визг поднялся на всю округу. Мальчишки сами испугались, бросились бежать, в это время-то и сорвалась голова с палки да и осталась в саду лежать. Эх, и влетело тогда Антохе от отца, шею хорошенько намылил, да и Витьке дома тоже досталось от своих. Неужто Антошка один додумается, нет, конечно, считали взрослые. У них вообще все было просто и логично. Поймают Витьку в хулиганстве, отец на Антоху косится, не участвовал ли и его сорванец? А попадетса Антошка – Витьке также не избежать допроса.

Много они чего с ним натворили. Как-то раз у Гришки, что в предбаннике пьяным спал, бутылку из-под матраса вытащили. Тот всегда на опохмел оставлял. Водку вылили, а водой наполнили. Тому бы похмелиться, а там вода. Матюгайся не матюгайся, а водки нет.

Да-а, все-таки были они с Витькой друзьями. Да еще какими. Да почему были? Вот пойдет сейчас Антошка к Кате и все-все ей расскажет, какая она хорошая и какая красивая. И пусть она его снова взглядом жалит, а он все равно ей скажет, какая она хорошая. Паренек набрался духом и поспешил в деревню. Все, все ей расскажет, и пускай смотрит на него как хочет, говорит что хочет, а он ей все скажет. Все. И с Виктором они подружатся, ну конечно, подружатся...

У клуба, облокотившись на перила, стоял Витька и чем-то веселил девчонок. Катя с Ольгой стояли рядом и тихонько посмеивались. Тусклый фонарь освещал три силуэта. Антошка приостановился и прижался к тополи. Он смотрел на Катю, которая улыбалась Витьке, а внутри у него начинал бушевать ураган. Все-таки она выбрала его! Антошка постоял немного, развернулся и что есть мочи бросился бежать

домой. Так хотелось кричать во все горло, так хотелось сделать что-нибудь плохое. Никакой он не хороший и не будет больше хорошим. Плохим будет, плохим! Паренек забрался на сушилу и упал всем тощим телом на сено. Как же было плохо, внутри все невыносимо ныло, хотелось плакать.

Только когда у самого погладит сердечко проказница-любовь, понимаешь, что это такое. Последние дни Антошка это очень понимал. Он и сам с ребятами частенько посмеивался над старшими ребятами, тем самым вводя их в краску. И если уж вечером кого увидят с какой-нибудь особой, можете даже не сомневаться, все заборы будут утром разукрашены. Так, мол, и так: «*Стенка + Галка = любовь*» или «*у Кольки Б. с Наташкой А. любовь-морковь*». А это ой как не нравится влюбленным. Те сердятся, а мелюзге смешно. Теперь Антоха прекрасно их понимал. Даже представить страшно, что выйдешь утром, а у тебя забор, который ты на днях покрасил в голубой цвет, исписан, что у вас с Катькой шуры-муры. И потом докажи всем, что это чья-то глупая шутка. Ага, так все и поверят. Или, того хуже, забор испишут, а она теперь с Витькой вечерами гуляет. Стыдоба-то какая. И так мать косится да отец с вопросами лезет, все совет дать нужный хочет. Да еще эти цветы, будь они неладны, подставили.

Припомнилось почему-то, как два года назад Антоха разыграл Мишку Бутырина. Хороший парень, сейчас в армии служит, весной забрали. Все любил с отцом в старом тракторе копаться, любитель на технику, страсть. Сам рыжий, нос усыпан веснушками, а до того добрый, что всем-всем в деревне приятно было с ним пообщаться. Антошка тоже с ним дружил. Мишка всегда улыбался. Всегда. И так красиво, что того и гляди засмотришься на его улыбку. Оттого-то Антохе даже стало казаться, что рыжие люди какие-то особенные, веселые. Ну не может быть рыжий сердитым. Только веселым и добрым, как Мишка. Хотя Нинка из 7 «б» вредина на вредине, а тоже рыжая. Свесит косу на плечо, та аж огнем горит. Ну, с ней все понятно, баба есть баба, тут ничего не скажешь. А Мишка? Мишка – моло-

дец! И стали вдруг слухи ходить, что стал он вечерами к Аленке Соколовой похаживать. Девка она хорошая, красивая даже, всегда Антоху сливами угощает. Но посмеяться же надо. Почему-то всегда Антошка думал, что эти их шутки совсем безобидные, теперь он понимал, что это вовсе не так. Так вот, сидит он, значит, на лавке и семечки щелкает. Видит, Мишка идет в рубахе, в брюках, с цветами. Красивый такой, ухоженный, причесанный, даже веснушки и те, кажется, аккуратно лежат на его лице. Антоха впервые его таким увидел, даже рот раскрыл и не поверил сначала, что это Мишка. Он же всегда чумазым ходил, все чего-то в тракторе швырялся. А тут на тебе. Вот что, значит, с человеком любовь делает. Но если признаться, то Мишке нарядным быть очень шло. Красавец. Настоящий жених.

— Ты к Аленке? — опомнился вдруг Антоха, хотя, если честно, это было нелегко.

Мишка, как всегда, приятно и по-доброму ему улыбнулся, но ничего не ответил, а только мигнул глазом.

— Так ее же нет.

— А где же она? — приостановился тот.

— Так она же с Ванькой Зориным купаться ушла, вот как с полчаса назад, — ни капли не покраснев, солгал Антоха.

— Как так ушла? С Ванькой?

— С Ванькой, с Ванькой, сам видел. У него это... Тоже цветы были.

Антошка знал, что Зорину Аленка тоже нравится и Мишка непременно на это среагирует. Но Мишка молчал. Улыбка на его красивом лице пропала, и оно стало очень печальным. А глаза, его добрые живые глаза, так быстро помрачнели, что совсем стали не его. Чужими. Антошка никогда еще не видел его таким. Букет из его ладони выпал на землю. Но парень даже этого не заметил, он вообще, кажется, сейчас ничего не замечал или не хотел замечать. Его глаза печально смотрели вдаль, туда, где за обрывом находилась река.

— Миш, — тихонько позвал его Антоша. Теперь ему было очень стыдно перед ним.

Тот, ничего не ответив, немного пошатнулся и наступил ботинком на букет. Жалко. Красивый букет был. Вообще-то Антоха никогда не

любил цветы, а эти вдруг почему-то полюбил. Паренек убрал ногу и посмотрел на букет. Вид его, конечно, был испорчен.

— Миш, знаешь, а у Ваньки намного хуже цветы были. Честное слово, совсем некрасивые, с твоими не сравнить, — хотел его как-то подбодрить Антоха, но только потом понял, что смолол глупость. И вообще вся его шутка была большой глупостью. Он уже это понимал и очень жалел, что изволил так пошутить.

Парень ничего не ответил. Он поднял с земли букет и аккуратно принялся приводить его в порядок. Антошка решил ему во всем признаться, но на всякий случай встал с лавки и отошел подальше.

— Миш, ты это, ты только не сердись, я правда не хотел. Я это... как сказать... пошутил.

Мишка поднял глаза и своим взглядом обжег Антоху. Он еще немного постоял, не понимая значения слов, а когда до него все дошло, то очень рассердился. Антошка это понял сразу. Тот подошел к нему и, схватив его за шиворот рубахи, замахнулся, но не ударил. В правой руке он держал букет.

— Да разве так шутят? Эх ты, мелюзга паршивая, — тихо, но очень прямо сказал ему Мишка.

Его слова достали аж до самого сердца и больно царапнули. По щеке Мишки скатилась слеза. Он стряхнул ее пальцем и, отпустив Антоху, ушел обратно.

Антошка печально посмотрел ему вслед, но промолчал, хотя очень хотелось догнать его и извиниться. Как же было стыдно перед ним, стыдно и обидно. Такого парня обидел своей дурацкой шуткой. Долго потом еще Антоха вспоминал тот взгляд, которым Мишка на него посмотрел, и всегда боялся его. Оказывается, и рыжие тоже умеют сердиться, да еще как. Он потом еще долго ходил мимо его хаты, пытаясь помириться, но не знал, с чего начать. Мишка подолгу ковырялся в своем стареньком тракторе, а Антоха стоял неподалеку и молча наблюдал за ним. Хотел подойти, но не мог. Тот давно его заметил, но не обращал на него никакого внимания. А Антоху жгла обида. Жгла и поедала изнутри.

— Ну, чего стоишь, смотришь? — обратился к нему все же Мишка. — Если хочешь помочь, я не против. Принеси хотя бы воды.

Антошка обрадовался, побежал домой и принес целое ведро чистой воды. Мишка посмотрел на него и, как всегда, по-доброму улыбнулся. И это была самая большая награда. Он протянул ему старенькое запачканное ведро, и Антоха тоже улыбнулся. Хороший он, Мишка, парень, что ни говори, хороший. Даже сейчас, вспоминая все это, Антохе было очень стыдно перед ним, хотя он давно его уже простил. Все-таки действительно, пока не полюбишь, не поймешь, что это такое. Не поймешь.

В субботу во второй половине дня, после бани, Антошка сидел за столом и пил горячий малиновый чай. Разрумяненный, как поросенок, он любовался собою в зеркало, что висело напротив, и улыбался. Последнее время он частенько поглядывал в него, все расчесывая свои густые волосы. То на один бок пригладит, то на другой, а после бани вообще мог подолгу любоваться собою. Раньше что — пригладит руками и пойдет, а теперь нет, теперь ему хотелось быть красивым. Кто-то окликнул его с улицы, он повернулся к окну и увидел Катю. Она позвала его рукой. Паренек удивился, но очень обрадовался в душе такому гостю. Он выскочил на крыльцо и подошел к забору.

— С легким паром, — улыбнулась ему девочка, и от ее улыбки у Антошки тут же все внутри заиграло. И он тоже заулыбался.

— Куда пропал, две недели не было видно? — большие зеленые глаза уставились на Антоху.

— Да я, это, занят был, все не до гулянья, — пожал плечами тот. — Вот забор покрасил...

Катя посмотрела на голубую волну цвета и кивнула головой.

— Молодец!

Антоха был очень доволен, что она к нему пришла, но пытался этого не показывать, а только немного улыбался и почему-то прятал глаза. Если честно, он давно ждал этой встречи, но боялся себе в этом признаться, теперь, общаясь с Катей, понимал, что зря он от нее бежал все это время. Все же это Витька смолот тогда глупость, а не он.

— Пойдем сегодня на танцы? — вдруг предложила она.

— На танцы?

— Ага, — кивнула Катюша и улыбнулась. — Сегодня в клубе танцы. Ты придешь?

Антошка был на седьмом небе от радости и хотел уже было прыгать и кричать во всю глотку, что придет, конечно, придет, но все же сдержался.

— Тогда я зайду за тобой, хорошо?

— Я у Ольги буду, ты приходи сразу в клуб, Витька тоже там будет.

— Витька?

— Ну да. Это его идея пойти в клуб, а я решила позвать и тебя.

Антоха спустился с небес на землю и трезвыми глазами посмотрел на Катю. Она улыбалась, только вот ему почему-то уже было не до веселья. Он нахмурил брови и быстро направился к крыльцу. Он-то думал, что она его зовет в клуб, а, оказывается, она будет там с Витькой.

— Ну ты как, придешь?

— Вот еще, делать мне нечего, как по танцам ходить, — и паренек забежал в избу.

— Ну как же так, я ведь завтра... — хотела что-то сказать Катя, но Антоха уже хлопнул дверью.

Весь вечер Антошка только и думал об этих танцах. Тоже мне, пришла, взбаламутила. Зачем приходила, сообщить, что с Витькой в клуб пойдет? Тоже мне. Паренек разговаривал сам с собой и с каждой минутой больше злился. Он недоволен пыхтел, расхаживая по дому. Вышел во двор, но и там не нашел, чем заняться, чем себя успокоить. Было невыносимо, мысли большим комом лезли в голову и с большим трудом переваривались в ней. Дома оставаться нельзя, лежа на кровати, с ума сойдешь. И паренек отправился к реке. Последнее время он частенько вечерами убежал туда. Пройдешься вдоль берега, поразмышляешь, соберешься с собою, а главное, что тебя никто таким не видит. Дома все с вопросами лезут, по деревне от любопытных глаз не скрыться, а здесь, у реки, в полном одиночестве как-то легче. Антоха давно это заметил, поэтому и бежал туда излечивать душу. Сядешь у берега, посмотришь на воду, на звезды, поговоришь сам с собою, вслух выругаешься, и как-то получше становится.

«Танцует сейчас, наверное, с Витькой, и Ольга там непременно. Зачем приходила? Ну зачем?»

Всего измучила. Посмеяться хотела, ну конечно, посмеяться. Танцуют сейчас втроем и смеются над ним, этот, чай, непременно смешит, как всегда. Тьфу. Ну, выбрала Витьку и выбрала, чего приходиться издеваться-то? Не думал, что она такая. А сразу и не скажешь. Глаза добрые-добрые, как у ребенка, посмотришь в них и сразу обо всем забываешь. А голос какой, как скажет, и хоть стой, хоть падай. Хороший ты, Антошенька. Тьфу ты! Заколдовала», — мысли в голову лезли без очереди одна за другой, перемешиваясь, превращаясь в кашу. Вспомнилось снова, как ходили рыбачить, как купались ночью в реке и любовались звездами. А он ей, дурак, про космос рассказывал, про жизнь во Вселенной, а она лишь улыбалась... Еще тогда, значит, уже смеялась, просто не показывала виду. А ведь Антоха ей верил. А про русалку-то как расспрашивала и колено разбитое платком утирала... А глаза, какие все же у нее глаза, а улыбка... Дурачок, Антошенька, дурачок... Танцует сейчас с Витькой и смеется. И Ольга рядом. Все смеются. Зачем приходила? «Антошенька... дурачок ты...» — все не выходило из головы Катины слова. Плохая? Хорошая она? Тьфу ты.

Антоха поднялся на ноги и, покружившись на месте, снова уселся на землю. Да, все-таки верно говорят, от любви до ненависти один шаг. А кто говорит, черт его знает, где-то паренек это уже слышал, и почему-то припомнилось. Даже сейчас, находясь у реки, и то не помогало. Все перепуталось, все вверх дном перевернулось в голове. Эх...

Неподалеку послышались чьи-то шаги. Парень обернулся. Кто-то шел в его сторону. В темноте виднелся чей-то силуэт. Это был дядя Вася.

— А ты здесь чего один делаешь? — подойдя поближе, поинтересовался старик. — Чего скучаешь?

— Ничего я не скучаю, — буркнул Антон.

Дядя Вася держал в руках удочку с ведерком.

— А я с вечера решил порыбачить, — широко улыбнулся он.

— Ну и как, много поймали?

— Да пару окуньков. Комаров только покормил. А ты чего не на танцах, жених?

— Какой я вам жених? — вспыхнул паренек и залился краской.

— Ну как же, — улыбнулся старик, — цветы-то хоть понравились?

И он все туда же. Будь они неладны, эти лилии. Предатели.

— А вы уже и поябедничать успели, — с обидой сказал паренек.

Дядя Вася улыбнулся. Он достал из кармана кiset и закурил.

— Эх, Антоха, Антоха. Думаешь, и я по молодости не озорничал? Так же по огородам лазил, так же яблоки срывал у соседей. Так же влюблялся. Но никогда девушкам не дарил ворованных цветов. Яблоки яблоками, а это уже свинство. Лилии под окнами для красоты сажают, а не для того, чтобы влюбленные мальчишки по ночам губили их.

Антошке стало неудобно и очень стыдно перед стариком. Хорошо еще, что темно и не видно глаз. Но паренек все равно опустил голову.

— Лучше бы в город съездил, на базаре купил или на худой конец ромашек нарвал бы.

— Ромашек?

— Да, — кивнул головой старик. — Букет, собранный своими руками, дороже всякого купленного.

Паренек молча смотрел себе под ноги.

— Чего в клуб-то не пошел?

Антошка ничего не ответил. Дядя Вася посмотрел на него и сделал глубокую затыжку. Все он понимал.

— Взрослеешь, Антоха, взрослеешь. Я и само по молодости влюблялся, страдал... да-а... С Зойкой-то мы уж после войны познакомились да поженились. Мне тогда уж двадцать седьмой шел. А в твои годы только и влюблялся, — старик весело улыбнулся. — Да-а, летят годы. Помню, Клава нравилась из Черемушек. Коса по пояс, сама веселая-веселая. Мы с ребятами тогда в клуб к ним бегали, нашего тогда еще не было. Натанцуемся под гармонь, напляшемся, по Черемушкам пройдемся из одного конца в другой. Она с подругами и я с друзьями. Походим-походим, семечки поплюем и обратно к себе. Ребята в деревню, а я остаюсь. У дороги полевой постою, пока все разойдется, и к ней. Спрячусь у плетня и давай камушками в ее окно бросать. Она выглянет, а я люблюсь. И вот

бросаю, пока папенька ее меня со свистом не прогонит.

Старик снова улыбнулся.

— Ты запомни, Антоха, одно, что любовь — это самое прекрасное, что познает человек. Люби, пока живешь. И стесняться этого не стоит. Знаю, все мы поначалу стесняемся и боимся своих чувств. А этого не стоит делать. Все мы люди, и всем нам дано любить. А посмеется лишь тот, кто ни разу еще не любил, но со временем, повзрослев, поймет, что это такое. Ты и сам, чай, посмеивался над ребятами постарше тебя, пока сам не влюбился. Ведь так?

Антошка кивнул головой.

— Ничего позорного в любви нет, и стесняться ее не стоит. Мужчина ты или не мужчина? — старик усмехнулся и похлопал Антоху по плечу.

Паренек ему улыбнулся. Дядя Вася посмотрел на него добрыми глазами и пошагал в деревню. Все-таки хороший он старик, добрый. И кот у него хороший. Красивый. И не будет больше Антоха его из рогатки подстреливать. Не будет.

На душе стало как-то даже хорошо и легко. Нечего стесняться. Мужчина он или не мужчина, в самом деле? Все рано или поздно влюбятся. А Антоха уже повзрослел. Уже.

И паренек тоже поспешил в деревню.

У клуба стояли Колька с Ромкой и о чем-то беседовали. Увидев Антоху, поздоровались.

— Что-то ты поздновато, — улыбнулся ему Роман, — скоро уж все закончится.

— Занят был, — тоже улыбнулся Антоха. После разговора с дядей Васей он как-то подбодрился и повеселел.

Паренек зашел внутрь, заплатил за билет и медленно направился вперед. Музыка из колонок лилась легкой волной, и девочки с ребятами весело плясали. Пробравшись ближе к сцене, Антоха заметил и Катю. Рядом с ней танцевали Витька с младшим братом и Ольга. Паренек посмотрел на Федора, который, поглядывая на брата, пытался плясать. А этот уж куда? Мелюзга! Ему еще сказки читать. Антошка улыбнулся. Вспомнилось, как он позапрошлым летом ночевал у Витьки. Родители его в город на свадьбу к кому-то уезжали, вот Антоха и остался у них. Наелись тогда вишневого варенья, улеглись с ним в одну кровать и

давай страшилки рассказывать. Федька, что лежал на соседней койке, спрятался весь под одеяло, лишь нос выглядывает, боится сам, а все равно слушает.

— А слышал, Антоха, как к Кондрату черт приходил? — начал вдруг Витька. Это он специально завел тему, чтобы брата поугаать.

— Нет, не слышал.

— Весной этой было. В полночь. Они всегда, черти эти, в полночь приходят.

— А зачем приходят? — еле слышно послышался из-под одеяла Федин голосок.

— Ясное дело, чтоб к себе утащить. Бросят в котел с кипятком или на сковороду раскаленную посадят. Это их любимое дело. Черти они и есть черти. Хвост трубой, пятак свиной, борода козья, рога бараньи. Схватят, и не вырвешься уже, — устрашающе, медленно, растягивая слова, произнес Антоха. Федя задрожал и полностью скрылся под одеялом. Витька посмотрел на брата, улыбнулся и подмигнул Антохе.

— Так вот, проснулся, значит, Кондрат в полночь от того, что кто-то в дверь постучал. Поднялся с постели и отправился открывать, — продолжил он. — Открыл, значит, дверь, а на пороге черт стоит. Волосатый, пятак красный, бороду свою козлиную чешет и улыбается. «Все, — говорит, — пора со мной идти». Да только Кондрат наш не растерялся, схватил ухват и черенком тому по лбу, что аж искры посыпались. Испугался черт и испарился тут же.

Антоха тихонько захихикал. Хулиганы посмотрели на Федора. Тот по-прежнему не высывался из-под одеяла.

— А я тут недавно домового видел, — продолжил Антошка.

— А давайте спать, — предложил Федя, побаиваясь ночных сказок.

— Да ты что, интересно же, — сдерживая улыбку, ответил старший брат.

— Так вот, проснулся я как-то ночью, смотрю, а возле печи старичок маленький сидит, ногу на ногу закинул, головой качает и на меня смотрит. Погрозил пальцем и исчез. Только мне в ту ночь не заснуть было. Чего он грозил, сам не знаю. А утром на ноге синяк огромный обнаружил. Ущипнул все-таки.

— Не к добру, — сказал Витька.

Полночи они с ним рассказывали страшилки, уже совсем позабыв про Федю. И вдруг за окошком сверкнуло, раздался гром и полил дождь. Ребятишки, лежа в постели, посматривали в окно, как капли дождя бились о стекло. Федора слышно не было. Спал он или еще нет, они не знали. Но зато как-то самим уже стало не по себе. Дернуло их рассказывать на ночь глядя про чертей. И вдруг на кухне послышался скрип половиц, будто кто-то прошелся.

— Ты слышал? — толкнул локтем Антоха друга.

— Слышал, — еле слышно прошептал тот. — Только в избе нет никого, кроме нас.

Ребята сами начинали потихоньку побаиваться. За окном по-прежнему сверкало, и гром ударял с такой силой, с таким грохотаньем, что мурашки бежали по телу. А из кухни нет-нет да послышится скрип, словно кто-то действительно расхаживал там. Раздался храп. Федя спал. Выходит, зря старались, только сами себя настрашали. Долго же они с Витькой в ту ночь не могли заснуть. Только помнится Антохе, что приснилось ему тогда, будто он по грибы пошел. Вот идет по лесу, значит, и видит, возле огромного пня зайцы сидят и в карты играют. Проиграет кто — награждают щелбанами. Увидели Антоху и зовут поиграть. Паренек положил лукошко, уселся рядом и взял карты. А зайцы косые же, и не поймешь, перемигиваются между собой али нет. Проиграл Антоха. Встал русак на задние лапы и давай его щелканишь. Тут Антошка и проснулся. Надо же, приснится такое. Это где же видано, чтобы тебе зайцы щелбаны раздавали. Н-да.

В клубе Катерина заметила Антоху, обрадовалась и позвала рукой. Паренек присоединился в их круг и, гордо задрав голову, не поглядывая ни на кого, принялся плясать. Плясать Антошка умел, плясал он хорошо. Оттого очень вольно и самоуверенно он сейчас себя чувствовал. Но не успел он насладиться легкими взглядами подруг, как музыка оборвалась и начался прощальный медленный танец. Все пятеро стояли неподвижно и вертели головами по сторонам. Катя изредка посматривала на Антоху, словно чего-то ждала. Но тот молча посматривал на

танцующие рядом пары. Витька подошел к ней ближе и пригласил на танец. Та еще раз посмотрела на Антошку, и они принялись танцевать. Паренек даже ухом не повел, делая вид, что вообще не замечает ничего. Тут и Федя пригласил Ольгу, и та, не скрывая радости, обняла его. Антоха остался один. Он отошел немного назад и, облокотившись на стену, наблюдал за танцующими. Красиво все-таки танцуют, и музыка красивая. Почему-то он вовсе не сердился, и это даже самого его немного удивляло. Песня закончилась, загорелся свет, и все медленно направились к выходу. Антоха первый выскочил на улицу и стал дожидаться остальных. Самыми последними выползли из шумного клуба его друзья.

— Ну, куда теперь пойдём? — как всегда по доброму улыбалась Катя, а ее живые глаза по-прежнему горели огоньками. Все-таки ее оптимизму и жизнелюбию можно было позавидовать.

— Можно пойти к реке, — предложил Антошка.

— Комаров кормить, — фыркнула Ольга.

— Их уже нет, — ответил ей тот.

— А пойдёмте ко мне за гитарой, я играть научился, — предложил Витька.

— Вот это верно, — улыбнулась Ольга. Настроение у Антошки потихоньку начинало падать.

И все направились к Виктору за гитарой. Тот всю дорогу шел рядом с Катей и не давал никому раскрыть рта. Все хвастался, как быстро он научился играть и какие песни знает. Антоха молча злился на себя и на друга. Вот трепло-то! И на кой он ему только гитару давал. Теперь замучает своими песнями. Да эта еще. Паренек косо посмотрел на Ольгу, что так же шла рядом с Виктором и внимательно его слушала. Комары у нее, видите ли. Тьфу!..

Подходя уже ближе к его дому, Катя наконец-то вспомнила об Антохе, который всю дорогу молчал.

— А ты чего, Антошенька, такой хмурый? — поинтересовалась она и тем самым окончательно его разозлила. Вот хитрая. Сама с Витькой идет, а его — Антошенька.

— А какой я должен быть?!

— Какой и всегда. Хороший.

— А откуда ты знаешь, что я хороший, я, может быть, плохой, злой и вовсе не такой, как ты говоришь. Совсе не такой! — чуть ли не закричал Антоха. — Это вон Витька хороший! А меня ты совсем не знаешь.

Катя ничего не ответила на это, но сильно удивилась, это было видно. Легкая обида блеснула в ее глазах. Витька тоже промолчал. Шли молча. Антоха злился и стыдился своего поведения. Ничего он не повзрослел. Все еще глупый ребенок.

— Я мигом, — сказал им Виктор, когда подошли к его дому, и забежал на крыльцо.

Антоха молчал и смотрел себе под ноги, не понимая, зачем он вообще находится здесь. Ольга что-то рассказывала, но он ее не слушал, думая совсем о другом.

— А я, Антош, завтра уезжаю, — сказала вдруг ему Катя и словно ножом хлестанула по сердцу. А ведь он и забыл вовсе, что она из города и что ей когда-нибудь да надо будет уехать. Почему-то казалось, что она вот так внезапно появилась и теперь уже здесь навсегда, никуда не денется, никуда не уедет. Они смотрели друг на друга и молчали. Она ждала, что он что-нибудь скажет на это, но тот не знал, что сказать.

— Куда? — конечно, вопрос прозвучал глупо.

— На кудыкину гору, — засмеялась Ольга. Она вообще последнее время над ним издевалась. Видно, мстила ему за все пакости, что он вытворял раньше.

— Домой еду, — ответила Катя. — Отец приехал, завтра уезжаем. Я тебе еще днем хотела сказать, но не получилось. А ты, Антошенька, не сердись. Я знаю, какой ты: ты — хороший и забавный. Правда. И хмурым тебе быть не идет. Ты ведь не такой. Помнишь, как мы ходили рыбачить? Вот такой ты мне очень нравился. Интересный и смешной. Я следующим летом приеду, и мы непременно с тобою снова пойдем на рыбалку. Обещаешь?

Ее глаза по-прежнему блестели чем-то светлым, радостным и теплым. Все-таки Антоха никогда еще не видел таких добрых и живых глаз. Он смотрел в них и молчал.

— А может, и зимой приеду, как получится, — улыбнулась она. — А я тебе, Антош, напишу, хорошо? Только ты мне тоже пиши, ладно?

Паренек молча стоял и утопал в ее глазах. Ее слова его губили и всего обжигали. И голос ее, нежный и до боли ласковый голос, царапал сердце в кровь. От ее нежности хотелось плакать и куда-то бежать и прятаться. Какой же он все-таки дурак. Все это время сам над собой издевался. А теперь она уезжает, и быть рядом с ней невыносимо больно. Но ведь последний вечер. Она смотрела на Антоху, глазами жалея его, и ждала, что он что-нибудь скажет. Но он молчал. Вышел Витька.

— Ну, куда теперь? — спросил он.

— Пойдемте к реке, — сказала Катя.

— Комаров кормить? — снова хмыкнула Ольга.

— Не съедят, — улыбнулась она и вновь посмотрела на Антошку.

— Я, наверное, домой пойду, — тихонько произнес тот.

— Домой?

— Что-то голова разболелась.

Паренек еще раз посмотрел на Катю, чьи глаза печально его провожали, и быстро нырнул в темноту. Конечно, никакая голова у него не болела, и все это понимали. Но быть сейчас рядом с ней было невыносимо больно. Если бы еще одни, Антоха снова бы превратился в прежнего Антоху. Но Витька замучает с песнями и Ольга против него. Он молча шел домой, поглядывая под ноги, а из головы не выходило одно, что завтра Кати не будет.

Прошло две недели с тех пор, как Катя уехала обратно в город. С Витькой Антошка так больше и не виделся. С отцом новым шифером покрыли крышу и крыльцо заменили. У того как раз выдались выходные, так они с ним все это время работали по дому да по хозяйству. Каждый день Антоха думал о Кате. Она все никак не выходила из головы. Даже снилась ему несколько раз. Особенно вспоминались ее добрые, полные жизни глаза и улыбка, светлая и яркая. Все-таки они правда с ней следующим летом обязательно пойдут рыбачить. Обязательно.

Во вторник в полдень, когда Антошка на кухне распивал чай с блинами, к нему в гости заглянул Витька.

— Приятного аппетита, — сказал с порога тот. В доме никого не было. Витька разулся и уселся за стол.

— Чего пришел? — спросил Антоха неприветливо.

— Злишься?

Антон промолчал. Он налил из самовара в чашку чаю и поставил рядом с Витькой. Тот достал из кармана конверт и положил на стол.

— Танцуй.

Антошка взял запечатанный конверт, на котором было написано: «Малышеву А. Лично в руки».

— Откуда у тебя?

— Сегодня от Кати письмо получил, а в нем и тебе. Зря ты тогда ушел. Мы тоже недолго погуляли. Быстро разошлись.

— Ага, зря, как же, тебе только на руку, — съязвил Антон.

— А ты так и не догадался, что мы с ней просто дружили и ничего у нас с ней не было. Все время о тебе спрашивала, почему и куда пропал... — миролюбиво объяснялся с другом Витька.

— Обо мне? А почему обо мне?

Витька улыбнулся и подмигнул:

— Вот уж не знаю.

— А ты?

— А что я? Другой ей нравится. Сама, правда, не говорила. Но мы все равно с Ольгой догадались.

— Кто? — резко выпалил Антоша.

— А ты подумай, — многозначительно ответил Витька, глотнул чаю и вышел из-за стола.

— Ну, не буду мешать, — и направился к двери. — Там, кстати, у Матрены подсолнухи посе- пели.

Антошка намёк понял, посмотрел на друга радостно:

— Я сейчас выйду.

— Не торопись, я у себя буду, зайдешь.

И Витька вышел во двор. Антоха прошелся по кухне, немного постоял, заглянул в свое любимое зеркало. Причесался. Все-таки как это здорово — любить! На сердце играла гармонь, в душе все плясало. Он снова уселся за стол и, улыбаясь, принялся читать письмо.

□

Антон Евгеньевич ЛУКИН

родился в 1985 году.

Окончил Ардатовский аграрный техникум.

Прозаик. Автор семи книг прозы.

Публиковался в периодических изданиях, среди которых

«Наш современник», «Огни Кузбасса»,

«Литературная учеба», «Южная звезда», «Молодая гвардия»,

«Литературная газета», «День литературы» и др.

Лауреат премии «Умное сердце» имени Андрея Платонова (2012).

Дипломант всероссийского конкурса «Золотой Дельвиг» (2013).

Живет в селе Дивеево Нижегородской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

